

МОЯ ЖИЗНЬ

Воспоминания в свободной манере

Виктор Кон

ЧАСТЬ 7. КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЖИЗНИ

Докторская диссертация Ковальчука

Михаил Ковальчук защитил докторскую диссертацию 19 января 1988 года. Скажу честно, что дату я совершенно забыл, пришлось отыскать автореферат его докторской диссертации, в котором, к счастью были проставлены даты. Только недавно я узнал, что он стал доктором наук позднее его младшего брата Юрия. Задержка с защитой произошла из-за конфликта с Афанасьевым. Он не мог использовать статьи, опубликованные совместно с Афанасьевым, а другие работы надо было еще сделать.

В 6-й части я рассказал как мы с ним писали научный обзор по теме стоячих рентгеновских волн. Этот обзор он полностью включил в качестве литературного обзора диссертации. А сами научные результаты диссертации были получены в тех работах, которые он опубликовал без Афанасьева. Я не буду перечислять всех этих работ, все таки это не моя диссертация. Скажу только, что в этих работах, кроме меня, соавторами были Захаров, Лобанович, а также Желудева, Казимиров и другие сотрудники его лаборатории. Частично об этих работах я уже рассказал раньше.

Но главными своими результатами он считал те, которые были получены в зарубежных поездках. Я уже писал, что в апреле 1986 года он ездил в Швецию по приглашению Лильеквиста. Он привез оттуда результаты расчетов по программе Лильеквиста. Так как он писать статьи в одиночестве не любил, то он предложил мне написать статью вдвоем. Ну, и третьим автором был сам Лильеквист. Я потратил на нее какое-то время и попробовал от себя добавить какой-то дополнительный теоретический анализ в эту статью.

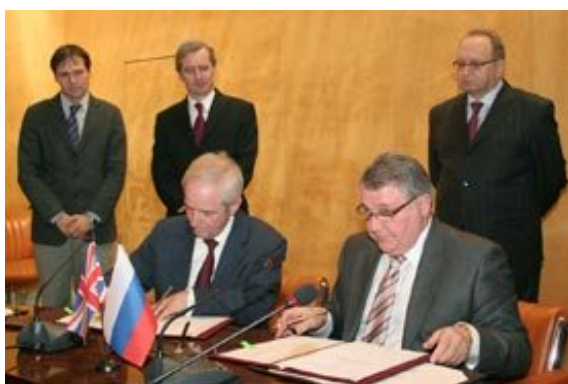

фото. 24. Фото из интернета, 2007 год. Михаил Ковальчук (справа) и Герхард Матерлик подписывают договор о сотрудничестве между РНЦ «Курчатовский институт» и британской компанией Diamond Light Source Ltd.

Но еще раньше, возможно в середине 1983 года, Ковальчук ездил в Гамбург, где познакомился с тогда еще молодыми, а потом очень известными учеными Матерликом и Бедзиком. В результате этой поездки он вместе с указанными авторами осенью 1984 года опубликовал две статьи в журнале Physical Review B, главном американском журнале по физике твердого тела. Он же является и ведущим международным журналом.

Конкурс на публикацию статей в этом журнале был очень высок, и до сих пор таким

остается. Советские физики очень редко печатали там статьи, так как было трудно пробиться. Самым массовым журналом для советских ученых в то время при необходимости опубликовать статью на английском языке в области рентгеновской оптики был немецкий (ГДР) журнал *Physica Status Solidi*, издававшийся в Берлине.

В работах Ковальчука с Матерликом и Бедзиком я, как соавтор, не участвовал, но какое-то отношение они ко мне тоже имели. Я сам впервые опубликовал статью в журнале *Physical Review B* только в 1995 году, уже во второй жизни. Она была написана в соавторстве с Геннадием Смирновым по его инициативе и по эффекту Мессбауэра, а не по рентгеновской оптике. Потом были и другие статьи, но все написаны, как правило, в соавторстве с людьми, работающими за рубежом, и как результат работы за границей. Впрочем и статьи Ковальчука удовлетворяют этому критерию.

Главной фишкой указанных работ Ковальчука было то, что в них впервые был выполнен анализ вторичных электронов по энергии с помощью нового тогда газопроточного счетчика (так назывался детектор электронов). Как мне потом часто рассказывал Геннадий Смирнов, счетчик разрабатывался Ковальчуком совместно с группой Смирнова, и к тому времени он даже еще не был готов в том смысле, что не прошел необходимое тестирование. Ковальчук взял счетчик в Гамбург на свой страх и риск в надежде, что он будет работать. Но он также не учел интересы Смирнова, за что тот на много лет обиделся на Ковальчука. Но время лечит, и потом это прошло.

Счетчик нормально сработал, и с его помощью удалось получить принципиально новые научные результаты, которые и были опубликованы. Я запомнил, что сразу после возвращения из этой поездки он позвонил мне и предложил встретиться. Но не у себя дома, и не у меня дома, а на лавочке в скверике около Киевского вокзала. Киевский вокзал был выбран не случайно. Он находился на моей ветке метро из Кунцева. Поэтому я приезжал к нему на метро без пересадки. Вообще Кутузовский проспект, Киевский вокзал и Новый Арбат были нашей частью центра Москвы, в которой мы бывали чаще, чем в других районах.

Ковальчук был тогда слегка возбужден, чувствовалось, что он взял еще один рубеж в своей жизни, совершил еще один микро-подвиг. Он не стал долго рассказывать мне детали, видимо мало было времени. Он просто передал мне папку с бумагами и сказал: "Помоги мне разобраться. Я сделал в Германии эксперимент, мои соавторы что-то понаписали, а я не могу понять их формулы". Я просто взял папку и пообещал разобраться.

Писать от меня ничего не требовалось. Все уже было написано, но формализм был другой, отличный от того, который мы написали с Афанасьевым в статье в *ЖЭТФ* 1979 года. Мне и самому было интересно понять какими словами описывают эффекты на Западе. В нашей статье Афанасьев ввел термины "фаза" и "статический фактор Дебая-Валлера". Фаза волновой функции – это то, что детектор непосредственно не измеряет. По этой причине существует известная "фазовая проблема". Это красиво, что в методе стоячих рентгеновских волн можно измерить фазу.

С другой стороны, все знают про фактор Дебая-Валлера. Об этом написано в любом учебнике по физике твердого тела. Обычный фактор Дебая-Валлера возникает из-за тепловых колебаний атомов. При этом разные атомы имеют разные позиции, которые меняются со временем. А статический фактор отличается тем, что позиции со временем не меняются. В каком-то смысле терминология была вполне эффективной. Но Бедзик и Матерлик принадлежали к другой школе, и там те же самые понятия описывались

чуть иначе.

Вместо фазы вводилось понятие "когерентная позиция", как средняя позиция атомов, которая и формирует фазу, если разделить ее на период, отбросить целую часть, а дробную часть умножить на 2π . А вместо фактора Дебая-Валлера вводилось понятие "когерентная фракция", как та часть атомов, которая имеет когерентную позицию. Кроме новых слов надо было еще разобраться в их формулах. Да и сам термин "стоячие рентгеновские волны" тоже придуман на Западе. Мы так не писали. Мы писали "выход вторичных излучений в условиях динамической дифракции".

Это физически точно, но длинно и не образно. Как раз после разбора текстов, которые написали Бедзик и Матерлик, мы постепенно тоже стали использовать их язык, и это наиболее сильно проявилось в обзоре и в популярной статье в журнале "Наука и жизнь". Интересно, что Ковальчук сохранил дружбу с Матерликом и Бедзиком на всю жизнь. Бедзик и Матерлик еще в то время приезжали в Москву. Я сам в те годы пообщался только с Бедзиком.

В один из дней Ковальчук попросил меня приехать к ним в лабораторию, Бедзик как раз был там, и мы с ним поговорили, я ответил на какие-то его вопросы по теоретической части наших работ. Я в то время был не выездной и многих западных ученых видел только в Москве. Мне это было не очень интересно, но, как правило, Ковальчук просил показать иностранцам мои программы, с помощью которых обрабатывались экспериментальные результаты.

В таком же плане мне в то время довелось пообщаться с французскими физиками женщинами Мальгранж и Соваж. Они тоже приезжали в лабораторию Ковальчука. Я запомнил, что когда Ковальчук попросил меня показать им мою программу обработки данных, она уже тогда имела красивый интерфейс, и было что посмотреть, то женщины сразу вытащили блокноты и стали конспектировать все, что я говорил. Это был чисто западный подход, у нас так не делали.

Они дружили и всегда ездили вместе, хотя работали врозь. В самом начале моей карьеры был эпизод, когда я получил аналитический вид для пропагатора кристалла, но наша статья задержалась с публикацией. Речь идет об одной из главных статей в списке моих результатов, а именно, о статье 1971 года с Афанасьевым, по которой я написал кандидатскую диссертацию. И вот в этот период вышла в свет статья с авторами Отье, Милн и Соваж.

И в этой статье был получен тот же самый пропагатор. Отье и Милн были к тому времени уже известными учеными, а статьи Соваж я раньше не читал. По этой причине мне было интересно увидеть ее живой. Я рассказал ей эту историю. Интересно, что эти женщины на много лет остались в списке друзей моего постоянного соавтора в последние годы Тани Аргуновой. Этот список можно увидеть на ее сайте [1]. Они сейчас на пенсии, но недавно приезжали в Питер и Таня с ними общалась. А потом рассказала мне много всего интересного.

Матерлика я тогда не видел. Я пообщался с ним единственный раз в 1996 году, когда был в командировке в Гамбурге. В то время он был главным начальником источника синхротронного излучения DESY. А я как раз опубликовал знаменитую статью в журнале Nature по рентгеновским линзам. Встречу с ним мне организовал Дима Новиков, который уже тогда там работал. Фактически, я там с Димой и познакомился вторично. До этого было только небольшое общение в лаборатории Имамова по инициативе Степанова. В то время ни мне от Матерлика, ни Матерлику от меня ничего было не

надо, просто мы друг друга хорошо знали заочно, но никогда не разговаривали.

Я не помню в какой момент Ковальчук попросил меня помочь написать ему докторскую диссертацию. Но такой момент был. Он сказал что-то вроде того, что он помогал мне защитить диссертацию, теперь мне надо помочь ему, у меня уже есть опыт, и я знаю как это делается. Я ему сказал, что я просто переписывал статьи, но ему такой вариант меньше подходил, потому что в экспериментальных статьях, как правило мало текста.

И мы писали его диссертацию так же точно, как и все остальные статьи. Я ему диктовал его же работы, а он записывал текст на бумагу. Ну и конечно были обсуждения всех спорных вопросов. В то время я очень часто бывал у него дома, так как диссертацию мы писали именно там, большей частью на кухне. У него в квартире была стандартная по тем временам кухня, но, конечно, не шесть квадратных метров, а, скорее всего, девять. Там стоял стол, и вот за ним он и писал.

Обычно мы выбирали время, когда Лена была на работе. Но когда она приходила, то переходили в комнату. Я так часто бывал у них дома, что меня совсем перестали стесняться. При мне устраивались скандалы и переживались неприятности. Я был просто членом семьи. Естественно, что в это время я мало бывал у себя дома, и это был минус. Лариса, моя жена, обижалась. Чтобы как-то компенсировать минусы, Ковальчук иногда приглашал к себе и ее тоже.

А также один или два раза приезжал к нам в гости. В такие дни мы не работали, а только развлекались. У Ковальчука раньше, чем у других, в том числе и у нас, появился видеомэгафон, и можно было посмотреть какой-нибудь западный фильм из тех, которые в кинотеатрах не показывали. В том числе попадались и эротические фильмы, на которые в СССР был полный запрет.

Я запомнил, что когда он приехал к нам домой на какое-то застолье, кажется на день рождения, то весь вечер рассказывал впечатления от своих зарубежных поездок. И Ларисе и детям это было интересно, потому что в то время я еще никуда не ездил, и они многое не знали. Но и в этом тоже был свой минус для меня. Я уже писал, что Лариса была очень завистливый человек по натуре, хоть и пыталась с этим бороться. И для нее чужие успехи были как соль на рану.

Но со всем этим приходилось мириться. У Ларисы была своя жизнь во дворе нашего дома, где сложилась компания из четырех семей с детьми одинакового возраста. Ей не было так уж скучно. И она вполне справлялась со всеми проблемами воспитания детей. Иногда это получалось не очень хорошо, были и скандалы и неприятности, но об этом я писать не буду, так как детям еще жить и жить. И это их личное дело.

Я же, практически, не бывал во дворе, и не ходил в школу на родительские собрания. Я либо работал дома, либо уезжал на работу. Я всю жизнь очень много работал. Поначалу это было необходимо, потому что надо было пройти очень длинный путь накопления опыта. Как писал Маркс, период первоначального накопления капитала. А сейчас я делаю много других дел, кроме работы. Например, пишу эту книгу. Это тоже работа, хотя зарплату за нее мне не платят. Но я с детьми все же занимался.

Я приучил сына к спорту, дочь в те годы тоже была более развитой спортивно по сравнению со своими подругами, правда потом ей это разонравилось. Мы катались на лыжах и на коньках, я с сыном играл в хоккей вместе с детворой, мы играли в большой теннис и в пинг-понг. Лариса этим заниматься не могла, и это был мой вклад в воспитание детей. Ну и я просто показывал пример как надо работать, что без труда

не вынуть рыбку из пруда.

Из того времени мне запомнилось несколько эпизодов из семейной жизни Ковальчука. Лена, придя с работы, часто устраивала Ковальчуку скандалы по поводу пустого холодильника. Он, видимо, редко покупал продукты, это делала она. И вот она накупит продуктов на неделю, холодильник полный. Но днем Ковальчук приведет компанию из пяти или шести человек, и они все съедают за один раз. Я тоже у них ел и пил, денег не платил, но я хоть долго сидел и работал. Это была систематическая проблема.

Правда, иногда при мне Ковальчук ездил в магазин покупать много бутылок минеральной воды. Это мне было удивительно, я в то время минеральную воду не пил, и вообще никаких лекарств не принимал. А сейчас я вынужден покупать эту воду постоянно, так как заметил, что она хорошо помогает при гастрите. Чисто эмпирическим путем я для себя выбрал Ессентуки-17. У нее очень характерный и не сразу приятный вкус. Но ко всему можно привыкнуть.

Несколько эпизодов было по поводу плохой учебы Кирилла, их сына. Кажется он даже один раз чуть не завалил сессию. И вот стояла проблема – использовать личные связи через родителей или не использовать. Ковальчук не хотел, а Лена (ее фамилия была Полякова) боялась за сына и просила как-то решить эту проблему. Но все обошлось, Кирилл институт закончил, хотя по специальности и не работал. Но в его институте не было военной кафедры, и он реально служил в армии. А я своего сына после института устроил в аспирантуру, и он в армии не служил. Но это было потом, мои дети были младше Кирилла.

Один раз Ковальчук пригласил какого-то иностранца к себе домой, а Лены не было, кажется была в командировке. Чтобы не терять время, он предложил мне съездить с ним на рынок, купил продуктов и потом сам приготовил все необходимые закуски. Я ушел как раз накануне визита, так что весь процесс прошел в моем присутствии. Мне это запомнилось, потому что я сам так не умел. Я конечно мог приготовить себе еду, но только не для гостей. Я бы купил все готовое.

Еще один раз я вместе с ним ездил в аэропорт встречать французского физика Гюгэ, который прилетел в Россию по какому-то приглашению, и лаборатория Ковальчука обеспечивала его визит. Как я потом узнал, ему показали Москву, а потом свозили в Ленинград и кажется в Грузию. Это делали другие люди, а в аэропорту его встретил сам Ковальчук. Впрочем я тогда с Гюгэ тоже познакомился. И оба друг друга запомнили.

А через десять лет я сам попал в Гренобль и уже общался с ним там, он там работал. Он даже предлагал мне сделать совместную работу, но это не входило в мои планы. Однако у него есть совместные работы с Чуховским и с Вартаньянцем, оба как раз из лаборатории Ковальчука. А мне и так хватало в Гренобле дел, потому что в то время там уже работали мои бывшие русские соавторы Снигирев и Чумаков.

Процесс написания диссертации занял какое-то время, но в конце концов все было закончено. Выступление на Ученом Совете Института (предзащита) состоялось в марте 1987 года. Эту дату я взял из книги Ковальчука о себе, но у него не все даты точные, он видимо писал по памяти, а это не надежно. Мне важно, что диссертация была написана уже в начале 1987 года. В то время на Западе стали появляться электронные приборы, очень красивые на вид, но конечно не то, что теперь, по начинке.

Я запомнил, что Ковальчук забрал у меня электронный калькулятор, который кажется

сам же и подарил, и подарил другой, японский и более продвинутой. По тем временам это было чудо техники. Он был очень красивый, размером примерно как современные смартфоны с экраном 5 дюймов, жидкокристаллический экран, тонкий и легкий. И у него была память. Программировать он не умел, но он мог запомнить последовательное нажатие каких-то клавиш и потом повторить последовательность по одной кнопке.

Калькулятор также вычислял специальные функции типа синуса и так далее. Мне он тогда очень понравился. Я даже провел на нем все расчеты к статье номер 67 по своему списку. Она была опубликована в 1989 году, но написана годом раньше. В этой работе соавторами были Ковальчук, Николаенко, Семилетов и Харитонов, и она была посвящена новому счетчику электронов с разделением по энергии. Этот счетчик имел большие размеры и вес, по сравнению с газопоточным счетчиком, но зато у него была более высокая точность, и он мог регистрировать даже оже-электроны.

Мое участие в этой работе не планировалось. Но когда работа была сделана, ребята в моем присутствии стали обсуждать как они будут писать статью. И я им предложил небольшую обработку экспериментальных результатов с тем, чтобы вытащить полезный сигнал. Они согласились и попросили меня это сделать. Я помню, что все довольно сложные расчеты я выполнил на этом калькуляторе. Он мог запрограммировать расчет функции в одной точке. А потом программу надо было запускать столько раз, сколько точек, и записать ответ на бумажку.

Циклы он не делал. Но мне все равно не хотелось ехать на работу и возиться с перфокартами. Я все расчеты выполнил сидя дома. К сожалению, калькулятор проработал недолго, потом он сломался, а чинить такие приборы никто не брался, их просто выкидывали. В то время электронные приборы еще часто ломались. Проблема стабильной работы полупроводниковых приборов была решена позднее.

Защита докторской диссертации Ковальчуком представляла собой необычное явление, о котором я могу написать то, что запомнил. Прежде всего, я запомнил второе общение с братом Миши Ковальчука Юрой. Это было еще накануне защиты. Брат приехал из Питера чтобы поддержать Мишу. Я запомнил, что мы ехали в машине откуда-то куда-то. В Машине был сам Миша, его брат Юра и какие-то еще люди, но кто конкретно сказать уже не берусь.

Миша сильно волновался по поводу того, что у него в диссертации не было открытий новых эффектов. Были методы, и было их применение, но открытий эффектов не было. В моей диссертации такие открытия были. Юра предлагал версии как все это лучше представить на защите. Обычно в любой компании Миша не закрывал рта и все время о чем-то говорил. У него всегда было хорошее настроение и он постоянно шутил. Другим оставалось только слушать. Но в присутствии Юры ситуация поменялась. Миша перешел в разряд слушателей, говорил только Юра. Впрочем накануне сложной защиты диссертации никому не позавидуешь.

Я поначалу не хотел об этом писать, но возможно не все знают, что Юра потом стал личным другом Путина и олигархом, владельцем большого количества денег. Он, видимо, реально незаурядная личность, может потому он и перестал заниматься наукой, масштаб не тот. А Миша все же остался ученым, но по своему. Я почти уверен, что оба совсем не изменились по характеру, и занимаются тем, чем и занимались всегда.

Мне кажется, что Наполеон стал Наполеоном, а Сталин стал Сталиным, не тогда, когда получили неограниченную власть. Они всегда ими были, только до определенного времени не все об этом знали. Они играли в игру наравне с другими игроками, и им

повезло выиграть. В другое время и в другом месте у них бы, возможно, ничего не получилось. Что касается братьев Ковальчуков, то они тоже играют в свою игру.

А я играю в свою игру. Мне не нравится политика, я люблю решать задачи. Поэтому в тот момент, когда Ковальчук занялся политикой, охлаждение наших отношений было неизбежно. А вот Света Желудева была с ним до самого конца, она, в конце концов, оказалась не очень способным физиком, но организаторская работа ей нравилась. Она была очень интересным, по своему, человеком. Однако, я с ней мало общался и много писать я про нее не буду.

Интересно, что Света умерла при загадочных обстоятельствах, и по этой причине было много статей в газетах и в интернете. Все это кончилось тем, что статья о ней даже появилась в Википедии [2]. Там ее называют выдающимся советским и российским ученым. Я сам ничего выдающегося в ее работе не заметил, но человеком она была очень ярким и интересным, это точно. Интересно, что и Ковальчук, и она всегда говорили громко и восклицательно, что мне было удобно с моим плохим слухом.

Сама защита проходила в Институте Физики Твердого Тела в Черноголовке. На том же Совете, на котором и я защищался чуть более двух лет раньше. Обычно на одном заседании проводят две защиты, но в этот раз в программу была поставлена всего одна защита. И она проходила шесть часов подряд практически без перерыва. Учитывая, что Афанасьев будет делать все возможное, чтобы провалить защиту, решили полностью соблюдать протокол.

А это значит, что зачитали полный текст всех документов, включая отзывы на автореферат. Сам Афанасьев на защиту не приехал, но прислал очень длинный отзыв на автореферат, естественно отрицательный. В связи с этим отзывом я хочу сделать замечание. В те времена все документы печатались на пишущей машинке в 5-ти экземплярах (под копиру), причем хорошо были видны только два из них, то есть оригинал и первая копия. По этой причине документы были практически никому не доступны.

И вот недавно, а точнее год назад, в интернете появился этот самый отзыв Афанасьева на автореферат Ковальчука. Машинописные листы были отсканированы, а затем с них был прочитан текст. Этот уникальный документ вторично был использован для того, чтобы показать какой Афанасьев хороший, а Ковальчук плохой. Причиной явилось недовольство сотрудников ИТЭФа (Институт теоретической и экспериментальной физики) тем фактом, что институт включили в новое образование – Национальный исследовательский центр "Курчатовский институт" (НИЦ КИ), директором которого стал Ковальчук. По этому поводу я сделал копию текста себе и выставил на свой сайт [3] со своим комментарием. Это уже история, и это ни на что не влияет, но кому интересно, те могут ознакомиться.

После того, как зачитали все отзывы полностью, а затем выступили оппоненты началось самое интересное, а именно, каждый желающий мог выступить и высказать свое мнение о диссертации. Таким желающим оказался Ваня Смирнов из Ленинграда. Не очень понятно какие конкретно цели он преследовал. То ли он хотел выслужиться перед Афанасьевым, то ли у него были свои личные обиды к Ковальчуку, но его поступок можно смело записать в книгу рекордов Гиннеса.

Он приехал в Черноголовку за неделю до защиты, поселился в гостинице, и каждый день ходил в библиотеку ИФТТ для того, чтобы ознакомиться с диссертацией. Как только объявили дискуссию, он попросил слова и начал говорить. Он говорил наверно больше часа без остановки. Нет, в какой-то момент остановка все же была.

Дело в том, что все слова, произнесенные на защите надо записывать. Стенографисток давно отменили, а вместо этого включали магнитофон и записывали звук на пленку. А после защиты звук надо было превратить в печатный текст. Так вот Ваня говорил так долго, что кончилась пленка в магнитофоне, и пришлось ставить новую. Он разбирал каждый вывод и каждый результат, и всему давал отрицательные отметки.

Естественно, что Ковальчук тоже должен был отвечать и на замечания в отзывах, и на замечания по выступлениям. Отзывы оппонентов были в целом положительными, иначе бы защита не состоялась. Но я запомнил, что киевский академик начал свое выступление с того, что высказал свое возмущение беспардонным поведением Афанасьева. Тот приехал из Москвы в Киев, пришел к нему домой без приглашения и стал убеждать написать отрицательный отзыв.

Для Афанасьева это была стандартная практика, я уже писал в 4-й части как по его инициативе я без приглашения оказался за одним столом с президентом Академии Наук. Но присутствующим в зале было необычно. Ковальчук старался доказать значимость своих работ и, видимо, очень старался, иногда перегибая палку.

А потом началось обсуждение работы членами Ученого совета. Я запомнил выступление только одного человека, который сказал, что судя по выступлению и изложению работы – это стандартная докторская диссертация, вовсе не выдающаяся, но и вполне достаточная. А вот выступление докладчика слишком эмоциональное, что касается критики, то она не очень понятна. А потом состоялось голосование, и Ковальчук победил.

Банкет по поводу защиты я совсем не помню. Складывается такое впечатление, что меня на нем и не было, или он совсем выпал из памяти. Некоторое время спустя Ковальчук попросил меня помочь ему перевести магнитофонную запись в текст, ведь подготовка всех бумаг по защите тоже было делом рук диссертанта. Мы было начали это делать, но это оказалось очень трудным делом. Скорее всего Ковальчук попросил кого-то другого проделать эту работу, так как я не помню, чтобы я этим долго занимался.

[1] <http://equinoxes.narod.ru/>

[2] http://ru.wikipedia.org/wiki/Желудева,_Светлана_Ивановна

[3] <http://kohnviet.ucoz.ru/bl/amaformvk.htm>

Наташа Семиошкина

Одним из интересных явлений моей жизни конца 80-х годов было общение с Наташей Семиошкиной. Наташа была дочкой дипломата, она жила в хорошей квартире в элитной части Кутузовского проспекта недалеко от Триумфальной арки. Ее жизненный путь я знаю плохо. В какой-то момент она оказалась сотрудником нашего Курчатовского института, а более конкретно, работала в лаборатории Геннадия Смирнова и занималась эффектом Мессбауэра.

Я сам в то время (70-е годы) эффектом Мессбауэра не занимался, кроме одной статьи, которая попала в мою докторскую диссертацию, и потому близко с ней знаком не был, хотя конечно много про нее слышал, так как она была активным человеком из элиты советского общества. В те годы Каган организовал тесное сотрудничество нашего Курчатовского института с Институтом Мессбауэра в Мюнхене, и один раз в два года проходили совместные немецко-российские семинары, один раз в России, один раз в

Германии.

Про эти семинары ходили легенды. В этих семинарах активное участие принимали Каган, Афанасьев, Смирнов, Горобченко, про которых я уже написал. Я сам тогда в этих семинарах не участвовал, так как занимался другими задачами. Только в начале 90-х годов я стал активно работать со Смирновым в области эффекта Мессбауэра и участвовал в двух последних семинарах, один раз в Москве и другой в Мюнхене.

И вдруг случилось незаурядное для института событие. Наташа то ли через эти семинары, то ли еще каким-то другим способом, познакомилась с немцем, который предложил ей выйти за него замуж. И она согласилась. Но сначала ей пришлось развестись с прежним мужем. И еще фокус был в том, что она работала в режимном Институте атомной энергии, сотрудникам которого такие отношения строго настрого запрещались.

Я не знаю как были решены все проблемы, но, в конце концов, она все же уехала вместе с новым мужем в Германию, конкретно в Мюнхен. Это произошло видимо в конце 70-х годов, потому что я запомнил как она приходила ко мне на работу перед отъездом и просила дать ей препринт моей статьи с Каганом и Афанасьевым 1979 года (статья номер 18), о которой я упомянул выше. Статья была посвящена резонансному возбуждению ядер синхротронным излучением.

Наташа уехала в Мюнхен, но ее родители остались в Москве, и сын учился в институте, поэтому она часто приезжала в Москву, хотя бы ненадолго. Прошло несколько лет, и в какой-то момент середины 80-х годов, в один из приездов в Москву она позвонила мне домой и попросила приехать к ней, предварительно сообщив адрес. Заодно объяснила причину. Дело в том, что она долго искала себе работу в Мюнхене, и наконец-то нашла ее в Университете Эрлангена. Эрланген – это небольшой городок недалеко от Мюнхена. В Германии даже в небольших, но старых, городках есть университеты.

В то время там работал профессор Хаммер, и у него был молодой сотрудник Веккерт. Я их знал по публикациям, потому что они занимались многоволновой дифракцией рентгеновских лучей, как и я. И Наташа стала работать в их лаборатории, но ее задача состояла в том, чтобы изучить многоволновую дифракцию нейтронов в кварце. Деталей я не помню, да наверно и не знал никогда. На нейтронном реакторе в Гархинге, в окрестности Мюнхена, в Техническом Университете работал ее муж. А многоволновой дифракцией занимался Хаммер.

Так как она раньше многоволновой дифракцией не занималась, то она сначала узнала о том, что по этой теме лучше меня никого нет, потом узнала мои координаты. Так как она в Москве была недолго, то было проще, если бы я что-то сделал, а потом ей объяснил. Всю нужную информацию она мне предоставила. Заодно рассказала как она живет, и я еще переписал у нее на аудио кассету пластинку с концертом группы Квин, эта британская рок группа с известным солистом Фредди Меркьюри тогда только входила в моду. Интернета тогда не было и достать что-то было не просто.

Я написал программу и стал делать расчеты. Мне это было не трудно. Я тогда работал на БЭСМ-6 и результаты получал в виде распечаток чисел на бумаге, либо на графиках, нарисованных на матрице символов. И в один день я заметил странный график. Все точки вписывались в какую-то гладкую кривую, а одна точка отскакивала далеко в сторону.

В научной работе никогда нельзя пренебрегать деталями. Я конечно обратил внимание на эту единственную точку. И стал думать над причиной ее появления. Сразу что-то

придумать не удалось, и я повторил расчет с более мелким шагом. На этот раз вместо точки я получил узкий пик с очень резкими краями. В конце концов, я понял причину этого явления, и во всем разобрался.

Наташа еще несколько раз после первого знакомства приезжала в Москву, и я каждый раз к ней ездил и рассказывал как про этот эффект, так и про многоволновую дифракцию в целом. Я так и не знаю помогли ли ей мои расчеты в то время или нет. Но я решил и сам написать статью по этому эффекту. Нейтронами я не занимался, я рассмотрел что получится в случае рентгеновских лучей. Оказалось, что заметное поглощение эффект сильно портит, но что-то все же видно.

И я написал статью, которая была опубликована в журнале Кристаллография в 1988 году (ее номер 56). Для наблюдения этого эффекта в то время не было никакой возможности. Я просто решил поставить галочку против еще одного пункта, не собираясь дальше развивать эту тему. Однако развитие было. Я написал об этом в 6-й части. Через 20 с лишним лет нужные эксперименты сделал Казимиров, работая в Корнельском университете в США. А в начале 2013 года за цикл работ по этой теме я получил свою третью Курчатовскую премию.

У истоков этой работы как раз была задача Наташи, которую я решал просто в виде помощи. Но самое интересное для меня началось в конце описываемого периода, точнее в ноябре 1990-го года. Перестройка набирала обороты, и медкомиссию перед поездкой за границу отменили. Я снова получил возможность выезжать за границу.

Впрочем, к тому времени у меня уже был слуховой аппарат, и с его помощью я мог нормально слышать все, что слышат нормальные люди. А если форсировать аппарат, то и больше. Поэтому препятствий к моей командировке за границу больше не было. И мою первую командировку организовала именно Наташа. В середине этого 1990-го года Каган очередной раз был в Мюнхене, и Наташа попросила его помочь отправить меня в Мюнхен.

Каган по возвращении позвонил Геннадию Смирнову, и предложил взять меня с собой в его очередную поездку к Ван Бюрку, сотруднику Мессбауэра, с которым Гена работал и дружил много лет, также как сам Каган дружил с Мессбауэром. Гена охотно согласился, в то время я уже начал печатать с ними совместные статьи, и даже получил за них в 1992 году свою первую Курчатовскую премию. А до этого я просто помогал им советами. Мы были хорошо знакомы, но я работал над другими задачами и мне на них не хватало времени.

У Геннадия уже была запланирована поездка на месяц в ноябре 1990 года. Он договорился с Ван Бюрком таким образом, чтобы за те же деньги он приехал вместе со мной, но на две недели. Мне опять все было просто, потому что все организационные вопросы Гена решал сам, и у него уже был большой опыт и связи. Я просто ходил вместе с ним. Снова был Комитет на Старой площади, но вот парткомов я не помню, вероятно их тогда уже отменили.

В то время красных иностранных паспортов гражданам России не выдавали. Нам выдали в Комитете служебные синие паспорта на время поездки, которые потом надо было сдать обратно. Также нам выдали командировочные деньги в немецких марках. Кажется расчет был такой, что 52 марки в день. Ну и нам выдали билеты. Мы сами такие дела в то время делать не могли. То ли не было нужного рейса, то ли так было дешевле, но прилетели мы не в Мюнхен, а в другой город, который я уже забыл. А потом еще ехали на поезде.

Я тогда впервые попал в капиталистическую страну, и мне все было необычно. В то время я мог спокойно смотреть по сторонам, ни о чем не заботясь, потому что Гена все делал сам. Искал кассы, покупал билеты на поезд, искал перрон посадки. Он неплохо знал немецкий язык и хорошо ориентировался. Особенностью этой поездки было еще и то, что две недели – срок небольшой, и Наташа предложила нам пожить у них дома. Гена мне сказал, что он отдал ей какие-то деньги, но это все равно было дешевле, чем в гостинице, так что мы даже немного сэкономили.

И так получилось, что я в первый же приезд заодно посмотрел нормальную немецкую квартиру в нормальном немецком доме. Что мы ели я не запомнил, но для меня было необычно, что они по вечерам ели йогурты, которые в то время в России не продавали. Естественно, что мы привезли какие-то подарки и Наташе и Ван Бюрку. У меня в то время было две коллекции. Тогда было много самодельных распродаж картин, и я собирал картины с изображениями горящих свечек. Тогда их часто рисовали, а сейчас уже не найти.

А вторая коллекция состояла из бутылок дорогого армянского коньяка многолетней выдержки (до 20 лет), которые мне дарили в Армении. Отказываться от подарков нельзя, но и пить такой коньяк рука не поднималась. В конце концов я весь коньяк передарил в Германии. А вот свечек у меня было так много, что хватило на много поездок и не только в Германию. В конце концов своих свечек у меня не осталось, а коньяк и сейчас иногда дарят.

Хотя первая поездка продолжалась всего две недели, но она была пожалуй самой насыщенной по впечатлениям. Их было много, и многое запомнилось. Во-первых, Наташа пригласила нас к себе домой, имея и свой интерес. Ей нужно было по работе продолжать расчеты по многоволновой дифракции. Надо было что-то переделать в моих программах и получить консультацию как они работают. У них дома уже был персональный компьютер, и я гонял свою программу практически все время, пока был дома.

Правда, компьютеры тогда были слабые и программа долго работала. В один выходной день ее муж предложил мне поехать к ним в лабораторию на нейтроне реакторе, где было больше компьютеров. Мы приехали в Гархинг, и я сразу включил несколько компьютеров, на каждый поставил свою программу и работа пошла быстрее. Мне периодически надо было только менять варианты то на одном, то на другом компьютере. Мужа Наташи это привело в восторг, он не видел, чтобы у них так работали.

Он оказался отличным человеком, и мы друг другу быстро понравились, но я забыл как его зовут. Он уже немного знал русский язык, и с ним можно было разговаривать без напряжения. Я запомнил как мы возвращались обратно на машине. В выходной день в пригороде Мюнхена пусто. Мы ехали на машине по пустой дороге, перекресток тоже был совершенно пустой. Ни души. Но вот светофор показал красный свет, и машина остановилась. И стояла пока не загорелся зеленый.

Ни в России, ни даже во Франции, я такого никогда не видел. Если нет никого, то никто на светофор не смотрит. Но немцы – особый народ, и у них стремление соблюдать законы видимо сидит на генетическом уровне. У меня не такой большой опыт, чтобы делать глобальные выводы, но этот случай я очень хорошо запомнил на всю жизнь, так как для меня это было шоком. Я до сих пор перехожу улицу на красный свет, если никого нет. И хожу по газонам.

В другой выходной день муж Наташи решил взять меня с собой в спортивный ком-

плекс. Там он играл в сквош. У него уже был партнер, но меня он решил взять третьим просто чтобы показать то, что я никогда не видел ни до ни после. Гена куда-то ушел по своим делам, так что я поехал с ним один. Перед выходом из дома муж все же попросил Наташу предупредить меня, что после игры там у них по протоколу сауна, а в ней мужчины и женщины вместе сидят голые. Сам он мне сказать об этом то ли постеснялся, то ли слов не знал.

Наташа меня предупредила, но я уже давно привык ко всяким неожиданностям и усвоил поговорку, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Надо сказать, что и в сквош я тогда тоже играл в первый и последний раз. Спортивные комплексы в Германии представляют собой многоэтажное здание средних размеров и работают они круглый год. Футбольное поле там не поставишь, но площадки поменьше есть, например, волейбольные и бадминтонные. Но больше всего было кабинок для игры в сквош.

Эту игру придумали студенты, и она проводится на небольшом корте, в котором главными игровыми элементами являются стены. В небольшой комнате стены размечены изображением сетки. Игроки по очереди бьют ракеткой специальный мяч, который ударяясь об стену, отскакивает от нее, потом от пола. Мяч должен стукнуться об стену не ниже размеченной линии, иначе засчитывается ошибка. Первый игрок должен так стукнуть мяч, чтобы он плохо отскочил и второй игрок не смог его правильно послать на стену.

Правила довольно простые, а игра немного похожа на бадминтон, в который я как раз много играл, так что я быстро научился. Играли мы вдвоем на вылет. Но если играть вдвоем, то это очень потогонная игра. Никакого ветра нет, бегать приходится довольно быстро и часто. В каком-то смысле – это идеальная игра, если нужно сбросить лишний вес. В России она так и не прижилась.

Корт резервируют на час или два, но обычно одного часа достаточно. В стоимость билета также входит и сауна. Она реально необходима, потому что после игры все становятся мокрыми от пота. Перед сауной раздевалка, там были одни мужчины. Потом обязательно душ, там тоже. А вот в самой сауне мужчины и женщины вместе. Мужчины приходят слева, женщины справа (или наоборот).

И вот тут уже началось самое интересное. Мало того, что в сауну все идут нагишом. Важно, что немцы к этому так привыкли, что и никакой субординации не соблюдают. Начать с того, что хоть сауна и довольно большая, но народу набивается много и временами все сидят как в метро, плотно прижавшись друг к другу. А если народу не так много, то молодежь ложится на полки, а часто и один на другого (накрест), причем без различия полов. По сравнению с этим нудистские пляжи – это невинная забава.

Молодежь приходит играть компаниями, и потом такой же компанией идет в сауну. И вот школьницы начинают хвалиться друг перед другом, у кого больше грудь выросла, совершенно не обращая внимания на остальных. Честно говоря, несмотря на высокую температуру, мне было не по себе, и сохранять равновесие было сложно. Меня спасло только то, что в то время у меня разболелся зуб и это отвлекало мозг от неадекватной реакции.

На обратном пути из сауны я немного заблудился и попал в женский душ. Я просто спросил куда мне идти, мне показали. Голые девицы меня несколько не смутились. В связи с этой темой интересно обсудить то, что делается в Германии сейчас. Мне трудно судить – хорошо это или плохо, но во всяком случае этого совсем не было

раньше. Сейчас в Германии ввели уроки полового образования чуть ли не со второго класса школы, причем говорят, что на уроках даже обучают мастурбировать, чтобы каждый знал что такое оргазм.

С одной стороны, когда совсем нет полового образования, как, например, было у меня самого, то это плохо. Всю информацию получаешь во дворе, либо от хулиганов, либо вообще не получаешь. С другой стороны, ранние половые связи приводят к быстрому истощению. И возникают проблемы, особенно у мужчин. Эти проблемы пытаются решать с помощью пилюль, но это уже однозначно плохо. Единого мнения у меня по этому вопросу нет.

Еще одним важным событием была поездка в Эрланген к профессору Хаммеру. Эту поездку снова организовала Наташа, и она могла бы иметь какие-то последствия, но не имела. Наташа поначалу поехала со мной, я не знал куда и как ехать и идти, а для нее это было местом работы, которое она, однако, не каждый день посещала. Помимо всего прочего, она беспокоилась, что у меня могут быть проблемы с английским языком.

Я ведь долгое время был не выездной, и потому не стремился учить разговорный английский язык. Статьи по науке писать я худо бедно научился, а разговорной практики совсем не было. Но я все же немного подготовился перед поездкой. Я взял у Казиминова ксерокопию книги "The man who escape" которая обычно лежит в основе разговорного курса и поставляется вместе с аудио-кассетой. Кассеты у меня не было, но вот книгу я медленно прочел, и запомнил в ней почти каждое слово. Этого знания ненадолго хватило, но тогда она мне помогла. Примерно также я готовился к экзаменам в университете.

Первоначально я планировал, что буду выступать на семинаре. Но когда мы приехали, то меня встретили только Хаммер и Веккерт. Они сказали, что остальным эта тема не интересная, и было бы неплохо, если бы я им рассказал все, что знаю по многоволновой дифракции. И я довольно бойко стал рассказывать. Наташа поняла, что переводчик не требуется, и сказала, что поедет обратно, они ее отпустили.

А я честно за пару часов рассказал им все, что знал, они мне рассказали про себя, показали их установку. И тут я вдруг понял, что у Ковальчука приборы лучше, и вообще у них совсем другой подход к эксперименту. Кроме того, они мне сформулировали свои проблемы. У них не было монокристаллов большого размера, и их интересовали расчеты многоволновой дифракции в кристаллах малых размеров и произвольной формы. Они не знали как решать такую задачу. Я тоже не знал, но обещал подумать.

За все это они мне заплатили 200 марок, как за выступление на семинаре. Так в Германии принято. И это были неплохие деньги в том смысле, что в Германии в то время можно было купить какую-нибудь электронную безделицу, которую в Москве продать в комиссионном магазине за несколько высоких зарплат. Но чтобы ее купить нужны были лишние деньги, которых не было. Забегая вперед скажу, что я тогда привез какие-то предметы, стоимость которых мой сын сразу оценил в десять тысяч рублей. Именно такую сумму я накопил за много лет на покупку автомобиля.

А потом мы поехали в какой-то придорожный ресторан (или харчевню, кто как называет), где пили пиво и ели рыбу. Из ресторана Хаммер привез меня к себе домой, но там мы уже ничего не ели. Это тоже было необычно, в России так не делалось. Самое интересное, что мне реально хватило этой книги, я неплохо мог говорить по английски почти на любую тему. Потом запас слов снова потерялся. Мы просидели допоздна. И уже очень поздно Веккерт повез меня в университет на своей машине на ночь.

У них в лаборатории была гостевая комната, в которой стояла кровать, и можно было почевать. Это очень удобно, не надо связываться с гостиницей. И в ней даже были какие-то съедобные вещи, которые я съел утром вместо завтрака, видимо они просто специально для меня их купили. Европейский завтрак – это хлебная булка, сырки, джемы, кофе и кое что еще. Но, как ни странно, вполне хватает протянуть до раннего обеда.

Даже дорога в университет поздно вечером произвела впечатление. Она была пустая, и Веккерт гнал машину со скоростью не меньше 150 км в час в темноте. Машину совсем не трясло, асфальтовое покрытие было идеальным. Утром Хаммер проводил меня на вокзал, и я уехал обратно уже один. После этого визита я действительно придумал как решать задачу, которую они мне поставили. Но это был итерационный метод, и он требовал мощных компьютеров. Через год я снова с ними встретился, уже Москве.

Они приехали на конференцию, которая проходила во время круиза теплохода по Москва реке. Я сам в конференции не участвовал, но они попросили организаторов найти меня и сообщить, чтобы я приехал на северный Речной вокзал, когда они приплыли. Я так и сделал. А потом мы вместе ехали на автобусе через всю Москву с севера на юг, так как их разместили в гостинице Академии наук недалеко от метро Ясенево, это следующая станция после Теплого стана.

Эту поездку я тоже отлично запомнил. Разговаривали мы уже в холле гостиницы. Я им сказал, что программу сделал, но нужен мощный компьютер. Если они смогут его обеспечить, то тогда имеет смысл попробовать. Это было правдой, но у меня была и другая цель, я хотел, чтобы они меня пригласили к себе. Но это не получилось. Через год у Хаммера случился инфаркт, а потом и у меня планы поменялись.

А вот Веккерта я потом несколько раз видел в Гренобле, сейчас он стал начальником в DESY, и в том числе является начальником Ивана Вартаньянца. Недавно он приезжал в Москву на конференцию, и мы немного еще поговорили. Но никаких совместных работ у нас не получилось. А задача, которую они мне поставили, и для которой я даже программу тогда написал, до сих пор не решена. Сейчас компьютеры достаточно мощные и можно ее решить, да только уже пропал интерес. Сейчас это уже никому не нужно.

фото. 25. Снимок из интернета. Новая ратуша в Мюнхене, Германия. Я часто бывал на площади около нее.

Сейчас работают только над тем, за что платят, то есть можно получить грант или работать на чужой грант по приглашению. А за такую задачу грант не получить. Впрочем я все равно про это помню и возможно когда нибудь в будущем попробую эту задачу решить. У меня осталось от прожитой жизни много нерешенных задач.

Из сильных впечатлений от той заграничной поездки нельзя не отметить и поездку в магазин за продуктами. В один из дней Наташа мне сказала "мы сейчас поедem закупать продукты оптом, если хочешь, поедem

с нами, посмотришь". Я конечно согласился. Они поехали в магазин за город, точнее на окраине. Название магазина я забыл. Это было многоэтажное здание размером в целый квартал. Там продавалось все на свете, а на первом этаже – продукты.

Таких магазинов в то время в России не было. Впрочем и потом их стало не так много. Французские магазины серии Корфюр (перекресток) – большие по площади, но одноэтажные. Так же устроены французские магазины серии Ашан. В магазинах Икея – два этажа. В Германии есть многоэтажные магазины в центре городов, Кауфхоф, например, но они не очень большие по площади. Большие магазины за городом ориентировались только на автомобилистов и на оптовые покупки.

Но мне больше понравилось другое. По дороге они остановились у какой-то избы, хозяйка которой продавала картошку. Мы зашли к ней на участок. А на участке стоял коровник. Одно длинное здание типа тех, которые и у нас стояли в совхозах. Я заглянул в окно. Коровник был полон толстенных упитанных коров, которые занимали все места. Их там было, наверно, не менее двадцати. И за всем этим ухаживает одна семья на своем участке. Это реально производило впечатление. Какая же рентабельность у такого хозяйства, и какая должна быть техника.

Один день вечером Наташа сказала, что у нее есть абонементы в консерваторию на концерт, но из-за того, что накопились дела, она не может пойти и предложила их нам с Геней. Так как денег у нас было мало, то просто подарила. Так мы попали еще и консерваторию. Гена мне объяснил, что в гардеробе у них принято давать чаевые. Пришлось дать, хотя деньги было реально жалко. Я даже и этот концерт хорошо запомнил, хотя потом мне часто приходилось, и до сих пор приходится ходить на такие концерты, моя вторая жена это любит, а я при ней.

Но я все же больше времени сидел дома и гонял компьютер. Я не любил ходить по городу в одиночестве. И тому была причина. Все это происходило через два месяца после смерти жены, я был в глубокой депрессии. На людях я как-то еще держался, но стоило мне остаться одному, как я тут же начинал реветь. Впрочем это не было заметно окружающим. Но один раз Наташа все же выгнала меня из дома, сказала, что в этот день был бесплатный вход в Политехнический музей, и его обязательно надо посмотреть.

Музей, действительно, был интересный, я там увидел много такого, о чем даже и думать не мог. Например, немецкие военные самолеты времен Великой отечественной войны, самые первые компьютеры, велосипеды удивительных конструкций. И вот я смотрел на экспонаты и ревел всю экскурсию. Это я тоже запомнил. О смерти жены я написал подробнее ниже.

А пока надо рассказать и про работу. Ведь мы приехали к Уве Ван Бюрку, а я почти не бывал в ТУМе (Технический Университет Мюнхена). Ван Бюрк хорошо знал и Наташу и ее мужа. И меня он тоже знал, потому что не один раз видел в Москве. Не только Гена к нему ездил чуть ли не каждый год, но и Ван Бюрк ездил к Гене. Он даже предложил мне один раз совместную работу по трехволновой компланарной мессбауэровской дифракции. Эксперимент сложный, и он хотел, чтобы я сначала сделал расчет.

И я делал этот расчет. Но работа не закончилась публикацией. До эксперимента у Ван Бюрка руки так и не дошли. А публиковать отдельно теорию по чужой идее я не захотел. Была и другая работа, которая также осталась неопубликованной. Ван Бюрк все же входит в список моих соавторов, но только в статье 1993 года, в которой я провел

компьютерное моделирование эксперимента и мои расчеты зависимости интенсивности от времени очень хорошо совпали с результатами эксперимента.

В той поездке непосредственно с Ван Бюрком я не работал. Но все равно ездил в институт вместе с Геной. Специально для нас были с большим трудом найдены персональные компьютеры фирмы IBM, а именно AT-286, на которых мы и работали. На них тогда стояла текстовая система MS DOS. А весь народ в институте работал за терминалами, которые управлялись рабочими станциями в операционной системе Юникс. И в этой системе уже тогда были окна в графическом режиме, и все было очень красиво.

Уве нам показал как пользоваться одним из таких компьютеров общего назначения (гостевых), но в системе BSD и в текстовом режиме, для получения и отправки электронной почты. Это тогда было намного сложнее, чем теперь. Мы всю последовательность действий записали в записную книжку и все делали по шпаргалке. Систему Юникс я тогда еще не знал. Я познакомился с ней позднее.

Ван Бюрку мы тоже привезли какие-то подарки, а он пригласил нас к себе домой на ужин. Это тоже было интересно, потому что он сам накануне этих событий побывал в США, на источнике синхротронного излучения в Брукхейвене, и впервые сделал там удачный эксперимент, который подтвердил выводы нашей теории, той самой моей статьи с Каганом и Афанасьевым 1979 года, про которую я уже много раз писал.

Именно после этой работы Ван Бюрка мы стали классиками данного жанра, а статья стала интенсивно цитироваться. Но Ван Бюрк нам рассказал не только про науку, а и про сам источник, и сам городок на берегу океана недалеко от Нью Йорка. А также показал фотографии. Уве немного знал русский язык, а Гена немного знал немецкий. Но между собой они любили разговаривать на английском. Я в целом все понимал, но иногда Гена мне все же объяснял кое какие детали на русском языке.

Уве жил в пригороде Мюнхена, и в тот день у них проходил какой-то праздник, не помню всех деталей, но по всему поселку шла бойкая торговля сувенирами, сделанными своими руками. То есть не массовый ширпотреб, а вещи в одном экземпляре. Среди них попадались очень забавные. Но у нас было слишком мало денег на такое. Так что мы ничего не купили.

Что касается покупок, то это в то время было очень важно. В конце 1990-го года в Москве уже во всех магазинах были пустые полки, и ничего не продавалось. С другой стороны, ни один товар российского производства не имел рейтинга, только иностранное. Причем любого качества. Чтобы купить больше, нужно было знать места, где проводились распродажи. А чтобы не пролететь надо было знать и кое какие другие вещи.

Этому меня немного научили мои соседи по двору, а точнее Боря Минюшин. К тому времени у меня уже был видеомаягнитофон российского производства, он нормально работал, но японский иметь было престижнее. Боря мне не только объяснил, что на Западе используется система PAL, которая не работает в России, но и указал конкретный магазин, где продавали видео-магнитофоны системы SECAM-DK.

Поэтому я просто пришел в этот магазин и сразу купил то, что нужно. Также на распродажах я накупил всяких тряпок, которые продавались за полцены, но все равно в Москве воспринимались с восторгом. Под конец Гена мне выдал еще небольшую сумму денег, которые мы списали, как на представительские расходы. Оказывается нам полагалось тоже кого-то угостить пивом. На эти последние деньги я купил здоровенный

двухкассетный аудио-магнитофон.

И с ним случилась история в обратном полете. Мы конечно перебрали лимит веса, и нам пришлось часть дешевых вещей оставить Ван Бюрку на хранение. Но этот магнитофон не влезал в тару багажа, да еще он ведь может разбиться. Я потащил его как ручную кладь, а меня не пускают. Нельзя и все. И пришлось мне его сдать в багаж фактически в сумке, которая закрывала его только наполовину, и без всяких замков.

Но к моему счастью работники аэропортов меня пожалели, и он прилетел в рабочем состоянии, хотя корпус и оказался с небольшой трещиной. И он долго проработал. А вот японский видеомангнитофон поломался через полгода. Я заплатил 700 рублей за починку, в то время это были огромные деньги, автомобиль стоил 5000. Но после ремонта он еще много лет проработал. А старый советский видео-магнитофон я продал за 4000 рублей, и все деньги потратил на то, что тогда еще можно было купить. Остальные мои деньги пропали в 1992 году.

В следующий раз я попал в Мюнхен только в 1993 году, а потом еще раз в 1994 году, и я еще несколько раз виделся с Наташей и в Мюнхене, и в Москве. А потом я стал ездить в Гренобль. Но обо всем этом я расскажу как-нибудь в другой раз.

Альберт Тонеян

Я уже немного написал про Альберта в 4-й части книги в связи с защитой своей докторской диссертации. Но он к ней отношения не имел, так как его работы в мою диссертацию не вошли. Просто его работа явилась продолжением моей докторской диссертации. Сейчас я попробую написать о нем подробнее, возможно это кому-то будет интересно.

Вообще говоря, любой ученый, как только он начинает работать самостоятельно, обязан учить других. Но в этом вопросе есть неравномерность. Профессора в вузах имеют по несколько аспирантов сразу, а некоторые люди в научных институтах совсем не имеют аспирантов. К этим последним относился и я. Дело в том, что в Курчатовском институте аспирантура была очень маленькой, и в нее брали, в основном тех, кого потом предполагалось взять на работу в Институт.

Но я в Отделе Кагана занимался такими вопросами, которые институтское начальство в то время не интересовало. Каган сам брал аспирантов в свой Отдел. Кроме того, я и в Отделе то редко бывал. По этой причине я ни разу не брал себе аспирантов официально и в нашем Институте. Но в какой-то момент меня все же попросили подготовить аспиранта из Армении по теме многоволновой дифракции.

Инициатива исходила от Рубена Габриеляна, который хотел, чтобы я обучил его дипломника Альберта Тонеяна. Учитывая все сложности, было решено, что он поступит в аспирантуру МГУ, к профессору Кузьмину, а реально с ним буду работать я. Кузьмин тоже был частым гостем в Армении, и он согласился в порядке помощи. Таким образом у меня появился аспирант, но без каких-либо организационных проблем.

Альберт приехал, сдал экзамены, его поселили в общежитии МГУ, затем он познакомился со мной, и в какой-то момент мы с ним поехали на квартиру с Рунару Кузьмину знакомиться. Я тогда с Кузьминым не был знаком. Почему-то я очень хорошо запомнил эту встречу. Мы сидели на кухне его квартиры, и Кузьмин долго рассказывал чем они занимаются и потом сказал, что мы наверняка найдем общие темы для работы. Ни слова про многоволновую дифракцию он не сказал.

Меня это немного обескуражило. Ведь мне Рубен четко сказал, что Альберта надо учить теории многоволновой дифракции. Сам Рубен тогда изучал многоволновую дифракцию экспериментально, и им хотелось иметь своего теоретика в этой области. После этого разговора я решил проигнорировать все пожелания Кузьмина, и все же четко выполнять намеченный армянами план.

К тому же Альберт мне сразу рассказал, что Рубен вроде бы экспериментально обнаружил усиление эффекта Бормана в случае шестиволновой дифракции рентгеновских лучей в такой геометрии, когда часть пучков отражается от кристалла. До сих пор я делал расчеты для чистой геометрии, когда все отраженные пучки выходят из кристалла с противоположной стороны. Таким образом, мне даже не пришлось формулировать для Альберта тему. Он уже имел задачу.

Все началось с того, что я ему показал стандартную программу, которая могла работать с любой геометрией, и была написана по общим принципам. Это произошло, скорее всего в 1983 году, а может и еще раньше, потому что первые две статьи были опубликованы в 1984 году. К моему удивлению Альберт очень быстро научился работать с программой, и даже кое-что понимал по физике.

Расчеты он делал на компьютере БЭСМ-6 в МГУ, так как у него не было пропуска в наш Институт, да и я сам там редко бывал. Программа нормально работала для тонких кристаллов, но никак не удавалось увеличить толщину кристалла, компьютер выдавал АВОСТ (АВтоматическую ОСТановку) по причине выхода чисел за допустимые пределы. Дело в том, что в процессе расчета по стандартному алгоритму некоторые числа становились очень большими. Потом они умножались на очень маленькие числа и ответ получался нормальный.

Но компьютер так работать не умел. Необходимо было переформулировать теорию таким образом, чтобы большие числа не возникали. Обнаруженная нами проблема в литературе не обсуждалась, так как к тому времени никто смешанную Брэгг-Лауэ геометрию не рассматривал.

Альберт эту проблему решить не мог, не хватало опыта. Это должен был сделать я. Я стал думать над ней. Обычно я запоминал много формул в уме и мог думать в любой обстановке, даже во время пеших переходов по своему поселку между станциями электрички "Кунцево" и "Рабочий поселок" от Белорусского вокзала.

И я, действительно, решил эту задачу в то время, когда шел по поселку. Это так меня возбудило, что я даже запомнил место, где пришла правильная идея. Она легла в основу целой серии статей по многоволновой дифракции, в том числе и в многослойных кристаллах. Потом оказалось, что аналогичная проблема возникает и в задачах отражения от многослойных некристаллических структур.

С такой проблемой столкнулся Степанов много лет спустя. Но он уже использовал мою идею, то есть из литературы, а мне все пришлось придумать самому, списать было не у кого. Я немного расскажу в чем проблема. В теории многоволновой дифракции используются матричный подход. В рассматриваемом нами случае получались матрицы, у которых часть элементов были очень большие, а часть – очень маленькие.

Решение состояло в том, чтобы разбить матрицу на блоки, и вместо блоков с большими числами использовать обратную матрицу, у которой маленькие числа. Это приводило к более сложным формулам, но зато компьютер справлялся и делал вычисления без авоста. Это было оригинально, впервые в мире, хоть и представляло собой решение

чисто технической проблемы.

Мы тогда только вступали в компьютерную эпоху, и разработка удачных алгоритмов для компьютера не считалась каким-то выдающимся делом. Но я сразу записал этот метод в список моих самых лучших достижений. К сожалению, метод не имел большого общественного резонанса, потому что интерес к многоволновой дифракции скоро пропал, и многие задачи так и не решены до сих пор.

Я объяснил Альберту как надо переделать программу, он довольно быстро все сделал, и в 1984 году мы опубликовали две статьи. Первую по чистой теории в журнале Кристаллография, в которую я для формальной отчетности вписал еще и Кузьмина. А вторую уже на английском языке и вместе с экспериментаторами, то есть Рубеном Габриеляном и его начальником Петросом Безирганяном. Благодаря этой второй статье Безирганян вошел в список моих соавторов.

К тому времени по теории многоволновой дифракции плоских волн уже почти все было сделано. С другой стороны, я развил теорию двухволновой дифракции сферической волны, и мне хотелось обобщить эту теорию на случай многоволновой дифракции. Это была очень сложная численная работа по тем временам. Никто в мире даже не пробовал такое изучать. Точнее, была одна попытка объяснить эффект, который наблюдал Умено, еще в 1970 году. Он же и сделал эту попытку.

Он качественно правильно объяснил эффект, но его подход был очень примитивным и не регулярным. Я предложил эту задачу Альберту, видя что ему нравятся компьютерные расчеты, и он хорошо усваивает алгоритмы. Проблема была в том, что было необходимо вычислять двумерные интегралы от быстро осциллирующих функций в зависимости от двух параметров. Я поначалу предложил метод расчета, который требовал применения сложной геометрии.

Альберт с этим справился. Он написал программу, которая нормально работала, а как она работала я так и не нашел времени изучить. Но оказалось, что даже с таким алгоритмом ресурсов компьютера не хватит. Надо было разрабатывать двумерное обобщение метода стационарной фазы, в котором весь двумерный интеграл вычисляется по некоторым точкам, вблизи которых фаза медленно меняется (то есть стационарная).

В таком подходе время вычисления уменьшается, но программа становится намного более сложной, и ее надо аккуратно выписывать. Это была сложная задача, и Альберт с ней возился примерно два года. И все же ее сделал. Я для простоты предлагал ему рассмотреть трехволновой случай, но он не согласился и взялся сразу за шестиволновой случай, тот самый, что был в эксперименте Умено и в первых статьях.

Общались мы с ним у меня дома, так было удобнее для меня. И по этой причине он часто у нас бывал. Один раз я даже попросил его помочь мне с ремонтом квартиры. Впрочем, он, конечно, не только работал. В Москве для него было много соблазнов. И все же я должен сказать, что он был сильным аспирантом, причем именно как программист, даже не столько как физик.

Работа, которую я с ним сделал и опубликовал в 1986 году в журнале *Acta Crystallographica*, является одним из моих лучших достижений, несмотря на то, что она мало цитировалась. Мало того, что это был очень сложный расчет, который до сих пор никто не повторил, несмотря на огромное развитие компьютеров. Этот расчет также детально объяснил экспериментальный результат Умено, который тоже никто не повторил с 1970 года.

Я все еще мечтаю продолжить эту работу, собирался это сделать с Казимировым. Но Казимирова уже нет, а у меня нет на это времени. Да и интерес к таким вопросам в мире пропал, хотя я не сомневаюсь, что это временно, и интерес вернется. А в конце 1986 года Альберт написал и защитил в МГУ довольно сильную кандидатскую диссертацию. Так получилось, что я лишь недавно узнал, что тоже был записан в автореферате руководителем его аспирантуры наравне с Кузьминым.

А потом он вернулся в Ереван, и больше почти ничего в науке не сделал. Причин такого положения я не знаю, возможно это как-то связано с ситуацией в Ереванском университете в то время. Дело в том, что и Рубен Габриелян тоже перестал работать в науке после развала СССР, хотя и остался преподавателем в университете. Альберт, в конце концов, стал директором фирмы ВЭБ, которая в Армении обслуживает интернет пользователей разного уровня. Но связь с Ереванским университетом он не потерял.

Интересно, что я тоже до сих имею с ними некоторые контакты по электронной почте, на большее времени не хватает. Так в конце 2011 года я с ними интенсивно переписывался и обсуждал их статью, опубликованную в J. Synchrotron Radiation, в которой Альберт тоже является соавтором. В ней предлагалась оригинальная конструкция преломляющей линзы в сочетании с асимметричным отражением в кристаллах. Заодно я подсказал им организовать коллективный ftp сервер с ограниченным доступом для научных целей, и помог наполнить его содержанием.

Интересно, что Альберт сделал сайт в интернете (на английском языке), на котором представил свои фотографии [1]. У меня пока не нашлось времени изучить все фотографии, ничего не могу сказать о них. Там же он привел список своих публикаций на английском языке [2], их всего 4, и две из них из его кандидатской диссертации, то есть в соавторстве со мной.

[1] <http://www.ton.am/>

[2] <http://www.ton.am/works/works.php>

Ситуация в Курчатовском Институте в конце 80-х годов

Как я уже писал, в середине 80-х годов, я почти не ездил в свой родной Курчатовский Институт, так как у меня появилась возможность делать расчеты на почти персональном компьютере, и это было удобнее, чем работа на БЭСМ-6. Но все же иногда я на работу ездил. Во-первых, за зарплатой, ее в то время выдавали наличными в кассе, а еще точнее даже не в кассе, а в комнате бухгалтерии нашего института, в здании, в котором был кабинет начальника нашего ИСФТТ (института сверхпроводимости и физики твердого тела), и где размещались лаборатории технической сверхпроводимости и физики низких температур.

На первом этаже этого здания стояла установка по производству жидкого гелия, а сам жидкий гелий использовался в низко-температурных экспериментах. Наш Теоретический отдел в конце концов тоже переселили. Его вывели из здания ОПТК и переместили в центральное здание, в котором сидел директорат. Кагана, как академика разместили на третьем этаже этого здания, сначала в одном кабинете, затем в другом, но рядом. И оба кабинета находились среди кабинетов директоров института.

А сотрудников отдела разместили в кабинетах второго этажа, по несколько человек в кабинете. Кажется это произошло в 1984 году, после того как академик Легасов стал первым заместителем директора Института, а Каган стал академиком. Он тогда еще

назывался Институтом атомной энергии им. Курчатова, это уже потом он стал Курчатовским институтом официально, а поначалу он им был неофициально. Нас переселили как раз по распоряжению Легасова.

Во-вторых, я ездил в институт на семинары, которые традиционно проводились в кабинете Кагана. Мой письменный стол находился в кабинете, который был в левом крыле длинного коридора, если подниматься по лестнице. Как и раньше, вместе со мной в той же комнате сидели Юра Кононец (рядом) и Слава Пушкарев (у противоположной стены). Комната была большая, больше чем раньше, и, фактически, у каждого из нас было два стола, поставленные в ряд.

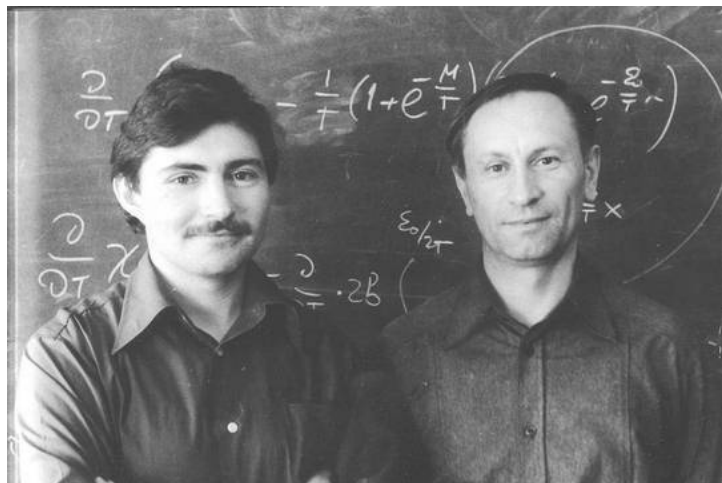

фото. 26. Фото сделано институтским фотографом. На нем я и Боря Свистунов после получения Курчатовской премии.

Мои два стола стояли вдоль стены у входной двери, два стола Юры – посередине комнаты, а два стола Славы – у противоположной стены. В комнате также был встроенный шкаф и обычные книжные шкафы. Эта комната была комнатой начальника в кабинете, а перед ней еще была маленькая комната для секретарши. В ней сидел Аркадий Жернов.

Остальные сотрудники лаборатории сидели в других кабинетах в середине коридора и на противоположном конце. Соответственно с ними я виделся много реже, только на семинарах.

В течение 80-х годов численность отдела выросла. С 1981 года в отделе стал работать Сережа Бурмистров. Он сразу зарекомендовал себя как человек, который знает ответы на все вопросы. Он мог говорить на любую тему бесконечно долго, и у него всегда было какое-то знание, которым он мог поделиться. На банкете по поводу защиты его кандидатской диссертации я даже зачитал небольшое стихотворение, которое специально написал как иллюстрацию этого его свойства. Оно сохранилось, и я его привожу ниже

*Есть много физиков хороших,
И многознающих людей.
Но все же нам один дороже,
это Бурмистров Сергей.*

*Сережа знает все наверняка,
И может дельный дать совет,
Как кулаком убить быка,
И снова оживить на много лет.*

*Как сварить варенье не запачкав руки.
Сколько раз в неделю надо чистить брюки.
И как без напряженья и труда.
Можно вынуть рыбку из пруда.*

*Теперь он кандидат наук.
Нам поздравить его пора.
Пусть каждый, кто Сереже друг,
Пожелает ему доктора.*

Через два года, то есть в 1983 году в Отделе появился Коля Прокофьев. Коля сразу стал демонстрировать очень высокие способности. Он работал непосредственно с Каганом, и Каган интенсивно учил его своим наукам. Как раз по этой причине я поначалу мало с ним общался, да и вообще мало общался по делу, но на общие темы с ним поговорить было интересно.

А Сережа Бурмистров довольно быстро после своего появления начал работать в паре с Леней Дубовским. Они хорошо притерлись друг к другу и по тематике своих работ были близки. Фактически они стали соавторами и почти все работы делали вместе. Еще через два года, то есть в 1985 году, в отделе начал работать Боря Свистунов. Борю я тоже плохо знал, и никогда с ним не работал. Мне показалось, что Боря любил работать самостоятельно, но в конце концов он все равно попал в команду Кагана и Коли Прокофьева. Впоследствии Боря и Коля уехали в Америку в один и тот же институт. Но до этого тогда еще было далеко.

А уже на стыке 80-х и 90-х годов появился целый отряд новых сотрудников. В 1989 году в Отдел пришли Саша Бурин, Андрей Мищенко и Володя Бабиченко. В 1990 году пришел Миша Киселев, а в 1991 году Игорь Тупицин. Саша Бурин принадлежал к команде Максимова, кажется он начинал как его аспирант. Андрей Мищенко пришел в отдел по протекции Кости Кикоина и работал первоначально с Костей, а потом также попал в команду Коли Прокофьева. Володя Бабиченко пришел в Отдел из лаборатории Афанасьева, когда Афанасьев ушел из кикоинского ОПТК во вновь созданный институт Академии наук.

Миша Киселев, кажется, тоже работал с Максимовым, а Игорь Тупицын первоначально стал по факту аспирантом Юры Кононца. Он любил компьютеры, причем не только программирование и операционные системы, но любил также возиться с железом. В то время компьютеры уже были. Игоря я тоже часто видел, потому что он с Юрой Кононцом все время ругался в моем присутствии. В конце концов он написал и защитил кандидатскую диссертацию, но потом с Юрой работать не стал, а перешел в команду Прокофьева.

Однако и там у него дела шли не очень хорошо. Игорь был очень заметной личностью и его трудно забыть. Его заметность заключалась в том, что он громко говорил и часто скандалил. Но, с другой стороны, он был очень благородный человек и много делал для сотрудников Отдела в том плане, что обеспечивал работоспособность компьютеров. Первоначально этим занимался Слава Пушкарев, но потом Слава ушел из Института, и его заменил Игорь.

Непосредственно в Отделе ничего особенного не происходило, точнее не так, наверно, происходило, но это все протекало мимо меня, и я ничего не запомнил. Каждый делал свою научную работу, как умел. В какой-то момент в нашем ИСФТТ руководство решило проводить ежегодные научные конференции. На этих конференциях я выступал

на секции, в которой от нашего Отдела также выступал только Петя Александров. Все остальные сотрудники выступали в других секциях.

Эти конференции продолжались довольно длительное время, кажется неделю, и каждому сотруднику давали возможность рассказать про все свои публикации. Но, естественно, только начальству было интересно узнать обо всем. Конкретные люди посещали не все заседания и слушали не все доклады. Конференции, безусловно, сближали сотрудников, и в то время каждый знал что делает другой. По крайней мере мог узнать, если бы захотел.

А наиболее частое общение между сотрудниками проходило на принудительных работах. В те годы социалистическая система уже давала трещины. Почему-то никто не хотел работать на овощных базах. И руководству коммунистической партии пришла идея посылать на такие работы ученых, мол все равно ничего не делают. И эта система рабского труда постепенно развивалась и набирала обороты.

Ученых без различий в возрасте, научной квалификации и должностей привозили на автобусах на овощные базы и ставили на самую неквалифицированную работу либо грузчиков, то есть таскать мешки, либо еще хуже, разделять гнилые овощи от тех, что еще не успели сгнить. Часто привозили в вечерние или даже в ночные смены, потому что в это время даже за деньги никто работать не хотел.

В то время безработицы не было, точнее она была скрытой. Все люди сидели по конторам и делали вид, что работают. За это руководство страны делало вид, что им платит. Но система была устроена таким образом, что выгоднее было получать мало и ничего не делать, чем получать чуть-чуть больше, но работать, да еще в тяжелых условиях.

А работа на овощных базах была тяжелой, примитивной и плохо оплачиваемой. Вместо того, чтобы решить эту проблему правильно, было принято решение посылать на овощные базы ученых, зарплата которых отнюдь не была маленькой, но которые как бы делали такую работу, результатов от которой все равно не видно. Совершенно очевидно, что ученый после того, как отработал ночную смену на овощной базе, никакого открытия не сделает.

Но это никого не интересовало. Однако, часто такие поездки на рабский труд заканчивались не так хорошо, как хотелось бы начальству. Я уже писал раньше, как я сильно простудился после одной из таких поездок. Я помню также, как Юра Кононец потянул спину, таская мешки с картошкой.

С другой стороны, это были приключения, что-то такое из параллельного мира, ну и только на овощных базах все сотрудники отдела делали одинаковую и одинаково понятную работу. Это сближало коллектив. Интересно, что система рабского труда постоянно прогрессировала. Все началось с эпизодических поездок на овощные базы. А потом за нашим институтом закрепили целые цеха, и мы работали на них постоянно.

А потом стали посылать рыть канавы, помогать рабочим строить дома, и вообще затыкали любые дыры в хозяйственном строительстве. Это не очень интересная тема, и я не хочу об этом много писать. Идиотизм советского строя на таких примерах был очевиден. Ведь ясно, что если у работника нет стимула к работе, то и работы не будет. Так оно и было, все халтурили, только делали вид, что работают, производительность такой работы была минимальной.

Один раз мы отмечали юбилей ИСФТТ, я не помню в каком году это было. Сам Институт организовали в 1968 году. Если это был 20-летний юбилей, то должен был быть

1988 год. Его мы отмечали в институтском пионерском лагере, в котором мы провели неделю. Кажется он был совмещен с научной школой, потому что мы ходили на лекции в клуб, а вечером еще раз в тот же клуб смотреть кино. А днем катались на лыжах и общались кто как мог.

Это было интересное мероприятие, и оно запомнилось. Я почему то запомнил кинофильм "Блеф" с Адриано Челентано. Я там его посмотрел впервые, и он произвел на меня очень сильное впечатление. Когда появились компакт-диски я купил все фильмы Челентано и все просмотрел. Отношение к нему у меня неоднозначное. С одной стороны, он нравится, с другой – нет. Но он, безусловно, явление в мировой культуре.

Для меня лично самое интересное в работе на территории Курчатовского института началось в 1988 году. В нашем институте был вычислительный центр, который первоначально обслуживал компьютеры БЭСМ-6, а затем ЕС-1040. В этом центре было много людей, которые реально любили компьютеры и все, что с ними было связано. И в один прекрасный момент они наладили сборку персональных компьютеров IBM-286 из покупных деталей. Это было несколько раньше, чем в целом по стране.

Самые первые компьютеры раздали начальству, и наш начальник, как академик, попал в число самых первых. Каган тогда, как впрочем и теперь, компьютерами не интересовался, он был теоретик школы Ландау и старался решать такие задачи, в которых компьютер бессилён. То есть когда почти ничего не известно и даже непонятно какие надо уравнения решать. Другими словами, нет даже постановки задачи. Такая работа требует огромных знаний, интуиции и образного физического мышления. Все это у Кагана было, и он справлялся.

Поэтому он сразу отдал компьютер сотрудникам Отдела в коллективное пользование. Первые персональные компьютеры в России вовсе не были персональными, они эксплуатировались многими пользователями, хотя операционная система первоначально на это не ориентировалась. У нас в Отделе было в то время несколько человек, которые занимались численными расчетами, и все они захотели попробовать новый компьютер. Наша комната попала в этот список самыми первыми.

Прежде всего, Слава Пушкарев, был самым главным человеком, администратором на этом компьютере. Он по своим каналам доставал компьютерные программы, и ставил их. Он первым выучил операционную систему MS DOS, и распределил место на диске для всех остальных. Ну и мы составили расписание, кто в какие часы будет работать. Каждому выделялось два часа времени с 8 утра и до 8 вечера. Я взял самые первые часы с 8 утра до 10 утра, а Юра Кононец взял самые последние часы.

Но реально я приезжал на работу в то время не в 8 часов, а в 6 часов утра. Я просыпался в 4 часа утра, к 5-ти часам я выходил на остановку автобуса на станции метро "Молодежная". Метро еще не ходило, оно работало только с 6-ти утра. Но к тому времени через Москва реку в районе "Крылатское" сделали мост и пустили через него автобус, на котором с пересадкой можно было доехать до Октябрьского поля.

Вот на этом автобусе я и ездил. Удивительно, но он не был пустым. В основном он был заполнен уборщицами, которые должны были сделать уборку до начала рабочего дня. Я сел на самый первый автобус и к 6-ти часам уже был в институте. Там я будил Юру Кононца, который на самом деле, работая последним, вообще не уезжал домой, а сидел за компьютером до ночи, пока силы были. А так как ночью из института не выпускают, то потом спал на работе до утра.

Итак с 1988 года я больше не ездил в Институт Кристаллографии. Теперь моим рабочим местом надолго стал родной институт. На этом первом компьютере я ничего по физике не сделал, но я научился работать на новом приборе. На этом компьютере уже был матричный принтер и он делал графику.

Прежде всего, я почти сразу приспособил свои графические программы к новым условиям, а потом систематически напечатал тексты всех своих ранее разработанных программ и довел их до рабочего состояния. Я даже не могу сказать все или не все программы я тогда освоил, их у меня было много. И я не запомнил сколько времени я прожил в таком режиме работы с 6 до 10 утра. После работы на компьютере я снова ехал домой отсыпаться.

Прошло какое-то время и наши ребята из вычислительного центра наделали много компьютеров, практически каждый сотрудник получил персональный компьютер. Как я помню, мониторы еще были монохромными, принтеры матричными и всего 8 иголок, дискеты были огромные. И все равно это было здорово. По сравнению с работой на БЭСМ-6 это было очень удобно и очень интересно. Еще в 1998 году, когда я впервые вышел в интернет, я написал статью "Компьютеры в моей жизни". Она есть на моем сайте, а также на сайте proza.ru. Там кратко написана вся история.

Этот период продолжался шесть лет, с 1988 года по 1994 год. Получив свой личный компьютер, я каждый день ездил на работу в свой институт и сидел на работе весь день. Правда режим у нас был свободный, так что я работал примерно с 11 часов и до восьми вечера. Я поздно просыпался, примерно в 9 часов и долго ехал на работу. Но зато я не попадал в часы пик, и мне не приходилось давиться в транспорте. Можно было почитать газеты или книги. В 1994 году я получил свой первый персональный компьютер домой.

Интересно, что до 2005 года я не покупал компьютеры домой, я их получал бесплатно. И только с 2005 года, когда они стали стоить совсем дешево, стало проще купить компьютер. Первый компьютер, однако, который я купил, был карманным компьютером, я его купил в начале 2004-го года. Но об этом пока рано писать.

Интересным событием в жизни нашего отдела в указанный период является присуждение Ленинской премии двум нашим самым главным сотрудникам Кагану и Максимову в 1986 году. Каган был нашим всем, то есть не только начальником, но для многих и руководителем аспирантуры, соавтором и учителем. Но почему-то он не являлся начальником по должности. Даже в статье в Википедии до сих пор про него написано, что он главный научный сотрудник ИСФТТ.

Это событие для меня было интересно тем, что премию вручали в Кремле, в круглом зале, флаг над которым виден над кремлевской стеной прямо за мавзолеем Ленина, если смотреть с Красной площади. Он назывался Свердловским залом здания Совета Министров СССР. Каган и Максимов могли пригласить на церемонию вручения премии кое-кого из своих людей. Я не помню точно кто конкретно был приглашен, но я в этот список попал.

И я действительно присутствовал на церемонии вручения в этом самом зале. Зал производит сильное впечатление, и его куполообразный потолок, окрашенный в синий цвет создает впечатление космического объекта. А ведь здание было построено еще при царе, и там раньше был Сенат. А потом был большой банкет на квартире у Кагана, на котором уже были все сотрудники достаточно большого к тому времени Отдела.

Костя Кикоин по этому поводу сочинил большую оду. Он в то время уже очень много стихов писал, и любил это дело. Сейчас на сайте stih1.ru он выставил более 500 своих стихотворений. Я тоже написал небольшой стишок, который приведу ниже

*Ленинскую премию получить –
Это вам не фунт изюма свести.
Надо долго физику учить.
Тысячу ученых книг прочесть.*

*Потом статей немало надо послать
Как лучи света в мрак.
Да так их написать,
Чтобы понял и дурак.*

*Не каждому это по силам.
Но вот пришла пора –
Кагану и Максимова
У р р р р а а а а !*

В эти годы не только в нашей рентгеновской оптике, но и нашем Отделе тоже, царил атмосфера творческого подъема и интереса к нашему делу. Хотя зарплаты совсем не росли, а цены все же поднимались, но система была устроена так, что высокие чины все же получали достаточно высокую зарплату и был стимул расти.

С тех пор прошло много лет. В декабре 2006 года у нас в Отделе стало не два, а три главных научных сотрудника. Третьим стал я. А потом стали считать цитируемость статей, и по этому показателю я даже обогнал Максимова. Но зарплаты в это время были уже мизерные, причем у всех одинаковые, независимо от должности. Стимулы пропали.

Наверно еще много можно вспомнить интересных событий из жизни Отдела, но это все таки была не моя жизнь. А про себя я могу сказать, что в этот шестилетний период, когда я работал в институте, я вместо ужина пил только чай с сухарями да заедал конфетами. В конце концов я заработал себе гастрит. И на всю оставшуюся жизнь создал себе проблему, которую постоянно приходится решать. В то время я о здоровье совсем не заботился.

Ну и еще один курьезный факт. По дороге на работу мне надо было один раз вытащить пятак (5 копеек, так стоил проезд в метро) перед входом в метро, а один раз пропуск перед входом в институт. Так как я по дороге все время думал о каких-то проблемах, то автоматика иногда давала сбой. И я вытаскивал пропуск перед входом в метро, и пятак перед входом в институт. Это бывало относительно большое число раз, поэтому я и запомнил эти эпизоды.

[1] <http://www.ton.am/>

[2] <http://www.ton.am/works/works.php>.

Дела семейные, моя личная жизнь.

У таких людей, как я, семейные будни не являются смыслом жизни, это скорее тыл, который необходим, но который не есть игра, и в котором нет ставок, нет прогресса. Жизнь течет по заведенному расписанию, и потому не запоминается. Наверно и об этом можно интересно написать, но я не буду писать про ежедневные будни, я напишу

только про события, которые являются уникальными или интересными.

Одним из таких событий был второй удар по моей голове, который я получил за свою жизнь. Первый удар был в студенческие годы, когда на меня наехала моторная лодка во время плавания в реке. На этот раз все было совсем по другому. После того, как умер тесть в 1977 году, мы жили вчетвером в трехкомнатной квартире. Квартира была небольшая – коридор 11 квадратных метров, из него вход в три комнаты 12, 14 и 9 метров и на кухню 9 метров. Ванна и туалет отдельные, ванна была большая, то есть длинная. Всего в квартире 60 квадратных метров общей площади.

Первоначально в средней комнате 14 метров мы с Ларисой спали на раскладном диване (спальни у нас там не было). Таня (дочь) и Игорь (сын) спали в комнате 12 метров, а в комнате 9 метров был мой кабинет. Но потом дети немного подросли, и мы решили расселить разнополых детей, все таки считалось, что мальчик и девочка не должны спать вместе в одной комнате. Игорь остался в комнате 12 метров и по совместительству это был мой кабинет. А Таню переселили в комнату 9 метров.

Но потом дети пошли в школу, и каждому был необходим письменный стол. И мой письменный стол перекочевал в среднюю комнату, она стала и гостиной и нашей спальней и моим кабинетом одновременно. А потом мы купили мебельную стенку во всю стену и снова была перестановка. Но в период, пока стол стоял в средней комнате, я повесил над ним на стену две книжные полки, причем книги ставились как внутрь этих полок, так и на крышку.

В то время я полки подвешивал по старой примитивной системе. То есть долбил стену, вбивал в дырку деревянную болванку, а в нее вбивал гвоздь и на него вешал полку. Гвозди были очень большие и толстые. И о безопасности такой технологии я не заботился, так как полки себе висели и все было нормально. И вот наступил момент.

В этот день я решил отметить какое-то событие, не помню какое, и пригласил в гости к себе Костю Кикоина и его жену Ларису. Кажется, они к нам тогда приехали в гости в первый и в последний раз, не считая свадьбы. Мы жили на станции метро Кунцево, это было далеко от всех, и я не любил часто приглашать гостей. Да и Лариса не любила возиться на кухне, а также она чувствовала себя не очень комфортно с моими друзьями. Ей казалось, что она не умеет так красиво и интересно говорить.

На самом деле это было совсем не обязательно, но она все равно не любила такие состояния на каком-то психическом уровне. Но все же было решено Костю пригласить, Лариса приготовила еду, за долгие годы в качестве хозяйки в семье она из маменькиной дочки превратилась в нормальную хозяйку, многое умела приготовить, и даже интересовалась кухонными делами.

У нас была специальная посуда для быстрого приготовления яблочного пирога. А также у нас была портативная шашлычница. У нее в центре был обогреватель в виде цилиндра, который раскалялся спиралью с током. Шампуры устанавливались вертикально вокруг этого цилиндра на специальном диске с держателями. А снизу был поддон, который собирал стекающий жир. Переворачивать шампуры надо было вручную. Все это было достаточно компактно, вполне чисто, и шашлыки получались неплохие. Мы часто пользовались этим прибором.

До прихода гостей оставалось примерно полчаса времени, все было готово. Я решил поставить на письменный стол проигрыватель виниловых пластинок, даже уже забыл как они назывались тогда. И вот в момент когда я поставил пластинку на проигры-

ватель, чтобы проверить как все работает, я вдруг получил сильный удар по голове. Странно, но какой-то особой боли не было. Конечно удар есть удар, но удары по голове не так болезненны.

В первый момент я схватился за место удара. Рука сразу стала мокрой от крови. Вся голова была в крови. Я побежал в ванну и долго пытался промыть рану. Мне было неудобно, и я позвал Ларису. Когда она увидела мою голову, она чуть в обморок не упала. У меня была разрезана толстым слоем вся кожа и мясо до самого черепа. Но череп не пострадал. В конце концов рану промыли, намазали иодом или зеленкой, уже не помню чем, и забинтовали.

Никакой особенной боли я не чувствовал. Кажется даже не было и сотрясения мозга, хотя точно я не знаю. Это ведь сложно определить. Когда я чуть-чуть пришел в себя, я стал смотреть – что же произошло. Я увидел на полу книжную полку и кучу книг. А на стене не хватало верхней полки. И это было парадоксально. Верхняя полка, если она вдруг перестала держаться на стене должна была упасть на нижнюю полку, и потом уже обе на стол.

Но нет, нижняя полка спокойно висела на стене. Было не очень понятно, как верхняя полка могла совершить прыжок мимо нижней полки. В конце концов, после долгих размышлений я пришел к выводу, что видимо постепенно выполз из деревянной болванки только один гвоздь, а второй еще держался. В результате под действием силы тяжести полку закрутило и один ее конец отошел от стены на какое-то расстояние.

А после этого выполз и второй гвоздь и полка падала составляя какой-то угол со стеной. Вероятно один ее конец высунулся на толщину нижней полки и стал сползать с нее. Одновременно он потянул за собой всю остальную массу. И все это случилось в тот весьма редкий момент, когда я как раз склонился над столом и подставил свою голову как в гильотине. Это событие имело безумно малую вероятность, но оно все таки произошло.

Я только и успел собрать книги с пола и убрать упавшую полку, как прозвучал звонок в дверь, пришли гости. Несмотря на этот удар судьбы по голове, мы все таки посидели за столом, хотя вид у меня с забинтованной головой был ужасный, а разговор на посторонние темы никак не клеивался. Интересно, что я так и не поехал в травмпункт в тот день. Во всяком случае, я об этом не помню. Я проходил несколько дней с забинтованной головой, а потом как-то все самой собой зарослось.

Возможно какая-то вмятина на голове и осталась, но первое время, пока была прическа, это было не видно. А потом все как-то потихоньку восстановилось. Надо сказать, что я всю жизнь был уверен, что после первого удара в студенческие годы я стал умнее. И многого добился. А после второго удара я стал еще умнее, и мои последующие успехи без него были бы невозможны. Возможно это просто суеверие, но я так чувствую по своим ощущениям.

С тех пор я перестал вешать полки в той квартире в Кунцево. Я стал делать из них книжные шкафы таким образом, что ставил пять или шесть полок одну на другую от самого пола. Но вот сейчас у меня в кабинете снова висит одна полка над диваном. И я иногда на нем сплю. Но сейчас совсем другая технология крепежа полок. Никаких гвоздей, только шурупы и только в специальные пластмассовые дюбели, которые вбиваются в стену.

Ну и надежда на закон вероятности. Вероятность двух ударов за одну жизнь должна

быть еще меньше. Правда считается, что вероятность случайного события не зависит от предыстории, то есть от того, совершилось это событие раньше или нет. Но все таки есть же справедливость на свете. Почему одним два удара, а другим ни одного. Я свое уже получил.

фото. 27. Фото из интернета. Вид на двор нашего дома на улице Козубинского. На переднем плане слева дом 3 корпус 1, справа дом 5 корпус 1, на заднем плане слева дом 3 корпус 2, справа дом 5 корпус 2. Мы жили в доме 3 корпус 2.

Вторым важным событием был ремонт квартиры. Для многих это рядовое событие, и они проводят ремонт квартиры чуть ли не каждый день. Но для нас это было уникальным событием. Дело в том, что у нас никто это делать не умел, а звать ремонтников со стороны мы тоже не хотели, да и неудобно это. Но время шло, прошло уже много лет с моего появления в качестве мужа семейства, а в квартире никакого ремонта не было.

И она постепенно пришла в довольно изношенный вид. Мы решили, что пора делать ремонт. Я сказал, что буду делать ремонт сам. Лариса была не против, а мои родители, которые часто у нас бывали, меня отговаривали, особенно папа. Он тоже ничего не умел и никогда такие дела не делал. Но ему было проще. Он работал бухгалтером в тресте столовых и ресторанов, и мог попросить кого-либо из рабочих своего треста.

А я всю жизнь не любил, когда меня обслуживают, и что-то для меня и вместо меня делают. Мне было проще научиться и сделать ремонт самостоятельно. Я начал с того, что купил книг по ремонту квартир и кое что в них прочитал. Это помогло ознакомиться с теорией. Дальше я стал ходить по магазинам и покупать необходимые предметы. Интересно, что я даже купил ручной распылитель краски, или опрыскиватель деревьев в саду. Он походил на большой насос для велосипеда.

Я конечно прочитал, что многие используют для побелки пылесос, но мне показалось, что это не удобно. Сначала мы полностью очистили от предметов комнату 12 метров. И в ней я белил потолок с помощью этого распылителя. Лариса мне помогала и делала все, что я скажу. Вещи из комнаты в комнату мы поначалу тоже таскали вдвоем, но потом я и один наловчился, когда Лариса была на работе. Есть много способов, я не стану тут о них писать.

Распылитель был очень мощный, и он распылял с большим расходом краски, то есть затратно. Но зато очень быстро. После того, как мы побелили почти весь потолок, в комнате невозможно стало дышать, Лариса быстро убежала, а я докрашивал мелкие недоработки кисточкой. Было жуткое состояние, голова кружилась. Но дело было сделано. Потом надо было учиться клеить обои. Поначалу мы это тоже делали вдвоем с Ларисой. Но она ходила на работу.

В какой-то момент приехали родители и папа вызвался мне помочь, но он реально был криворукий, и я от его помощи быстро отказался. Один раз я даже попросил Альберта

Тонейна мне помочь, он приезжал и мне помогал. Но в конце концов я научился все операции делать сам, один. Занятия наукой развивают мозг, и я в любом деле быстро соображал как мне организовать процесс так, чтобы все можно было сделать одному.

Также я отказался от распылителя, и стал белить потолки кисточкой. Это медленно, но зато качественно и можно делать одному. Я научился один клеить обои. Надо сказать, что у нас был сталинский дом, то есть с высокими потолками, кажется высота комнат была 2 м 90 см. И обои нужны были длинные. Но у меня все хорошо получалось. Заканчивал я делать ремонт уже полностью один. Двигал мебель туда и обратно, красил и клеил, покупал необходимые материалы.

Это не было быстро, все таки 4 комнаты и коридор. Но дело двигалось и постепенно пришло к концу. Отец признал, что я хоть и не все умею, но могу научиться, если захочу. Но я так увлекся, что решил не останавливаться на достигнутом. В нашей квартире были деревянные двери. Не прессованные опилки, а из настоящего дерева. Но они были замазаны несколькими слоями краски. Было совсем не трудно намазать их краской еще раз.

Но в то время было модно иметь деревянные двери, покрытые лаком. И я решил отодрать краску так, чтобы снова открылось дерево, а потом покрасить его бесцветным лаком. И вот тут уже мне потребовалось не просто чему то научиться, а реально изобретать методы, потому что эта работа оказалась страшно тяжелой. Дело в том, что краска была очень твердой, и ее не брала никакая химия.

Впрочем химию я практически и не пробовал. Я пробовал скоблить. Сложность была еще и в том, что дверь была фасонная, на ней был вырезан орнамент, и это все тоже хотелось сохранить. Я перепробовал самые разные способы и все получалось плохо. В конце концов я остановился на том, что скобил краску стамеской из мягкого железа. Их у меня было несколько: широкая для плоских участков, узкая для фасонных участков и еще кое какие. Использовал я и нож, где это было удобно.

Процедура была трудоемкой. Необходимо было со всей силы давить на инструмент при скоблении, иначе краска не сходила. Инструмент работал только пока был острый. Но он быстро тупился, и его постоянно приходилось точить. Это требовало тяжелой работы и много времени. Правда мы уже жили в квартире, ремонт был закончен, а двери, как бы и так работали.

Я не помню точно когда это происходило, скорее всего летом 1986 года. В конце концов, я полностью обработал первую дверь, ближе всех к входу, вторую дверь в среднюю комнату и частично третью дверь в маленькую комнату. Третью дверь я так и не закончил, я возился с этим почти три месяца, практически до зимы. И все же двери у нас стали красивые и необычные.

Интересно, что с тех пор больше ремонт в этой квартире не делался. Уже больше двадцати лет каждый день ходят разговоры о том, что наши дома снесут. Уже давным давно снесли все дома вокруг. А наши все стоят. И ремонт делать в доме под снос не хочется, и дом никак не снесут. Впрочем я уже давно там не живу. В квартире осталась только одна дочь Таня. Даже не знаю как квартира выглядит сегодня. У Тани есть машина, и она к нам иногда ездит в гости. А у нас машины нет, да и ездить нет большого смысла.

Два уникальных события нашей семейной жизни были связаны с детьми. Когда дети были среднего возраста, и не большие, но уже и не маленькие, мы решили попробовать

устроить их в пионерский лагерь. Первую путевку Лариса взяла у себя на работе. Она тогда работала на заводе на станции метро Кутузовская. Соответственно и лагерь был на западе, недалеко от поселка Верея. Я почему-то запомнил как мы в родительский день ездили навещать детей в этот лагерь. Тогда все прошло нормально.

А второй раз я взял путевку у нас на работе, в наш пионерский лагерь, который находился около городка Протвино. Это на юг от Москвы и чуть дальше. В то время мобильных телефонов не было, на детей можно было посмотреть только в родительский день, и надо было ехать в лагерь. Мы приехали, а нам говорят, что Игоря в лагере нет, он в больнице. У него воспаление легких. Сначала его положили в Протвино, а потом перевезли в Москву.

Это было ужасно. Оказалось, что Игорь где-то напился холодной воды, ему стало плохо, но он решил перетерпеть, жаловаться воспитателю постеснялся. А когда все обнаружилось, ему уже стало совсем плохо. Игоря поместили в инфекционную больницу, и мы страшно испугались как бы он еще чего-то там не подцепил. Но в конце концов все обошлось. В больнице он лежал довольно долго. Уже кончилась смена в лагере, и мы втроем часто ездили его навещать. Он выздоровел, но больше мы детей в пионерский лагерь не отправляли.

С Таней тоже случилась очень неприятная история, которая и ей и нам стоила многих переживаний. В какой-то день у нее заболел живот, поднялась сильная температура, она не могла ничего есть. Состояние было ужасное. Вызвали врача. Врач сказала, что у нее все таки не дизентерия, и она ее вылечит. Она назначила лекарство, и каждый день приходила, проверяла как у Тани дела. А Тане лучше не становилось.

За неделю мы уже все извелись и не знали что даже думать. Таня сильно ослабла и выглядела очень плохо. Наступил выходной день, и на осмотр пришла другой врач, которая дежурила в тот день. Красивая блондинка с очень флегматичным лицом. Нам она ничего не сказала, а нашему врачу видимо сказала, что то вроде "зря ты держишь эту девочку, у нее дизентерия, она умрет, а ты будешь отвечать".

И в понедельник наш врач пришла в жутко беспокойном состоянии, даже не стала смотреть Таню, сразу заявила, что ее надо в больницу, что у нее дизентерия. Мы ей говорим, что Тане уже стало лучше, что температура спала, а она ничего не слушает. Прямо от нас позвонила и вызвала скорую помощь. И что мы могли сделать, мы ведь в медицине ничего не понимаем. А советская система фактически привязывала нас именно к этому врачу. Эта проблема и сейчас существует.

Таню отвезли в больницу, нас к ней не пустили. На следующий день мы едва дозвонились до больницы и спрашиваем: "Как наша Таня?" А нам говорят, что она нормальная, температуры нет и неплохо себя чувствует, и зря вы ее привезли. Мы хотели сразу ее забрать, но не тут то было. Ее не выпускают. Раз привезли, то надо сделать анализ на дизентерию, а он делается неделю.

И Таня тоже неделю провела в инфекционной больнице. Анализ никакой дизентерии не показал. В конце концов, мы ее забрали оттуда, и она была счастлива, глаза блестели, а тело – чистый скелет. Это было уже зимой, не помню в какой год. Таня все таки подцепила в больнице ветрянку, а потом и Игоря заразила. Но ветрянка – не очень тяжелая болезнь. В конце концов у них все прошло.

Интересная история получилась сразу после того, как мы позвонили в больницу, и нам сказали, что зря вы ее привезли. Я пошел в поликлинику с намерением устроить

нашей участковому врачу скандал. Я был страшно злой. Мы и так все извелись, а тут напоследок такая нам подлянка. Если взялась лечить, так лечи, а не можешь так не берись. Но я не дошел до поликлиники. В каком то месте дороги издалека ко мне подбежала бездомная собака и стала на меня сильно и злобно лаять.

Я послушал эту собаку, постоял, постоял и пошел обратно. Я подумал, что своим скандалом я уже ничего не исправлю, а нам с этим врачом дальше жить. Просто надо самому иметь свое суждение и не поддаваться на провокации. Впрочем это все легко сказать, но намного сложнее сделать. Сколько врачей вытягивают из больных раком все их деньги точно зная, что они все равно умрут. И ведь ничего не докажешь и не исправишь.

Медицина, увы и не наука, и не бизнес, а врачи работают как и все люди, в первую очередь думая только о себе, а потом уже об остальных. Кому-то везет, и они вздоравливают даже вопреки стараниям врачей отправить их на тот свет. А кому то не везет. Врачи часто просто соблюдают конкретную методику, которая кому-то помогает, а кому-то нет. Бывает что сложнейшая операция проходит нормально, а в результате пустяковой операции человеку заносят инфекцию.

Правильно написал Окуджава – ”ваше благородие, госпожа удача, для кого вы добрая, а кому иначе”. Так оно и есть. Лично я не люблю лечиться у врачей, и обращаюсь к ним только в случае крайней необходимости. Так, я все же сам пошел на операцию по удалению желчного пузыря, и мне повезло, все прошло удачно. А человек, который лежал со мной рядом в реанимации, еще очень долго лечился после операции, я так и не знаю как у него все закончилось.

Таня с тех так и осталась со слабым желудком. Она не любит есть много. С другой стороны, как раз поэтому у нее вполне стройная фигура, она не толстая. Не всем удается сохранить фигуру. Многие используют еду как успокоительное. Известно, что толстые люди более спокойные и менее агрессивные. Но за все надо платить.

В эти годы в жаркие летние дни мы ездили на Рублевское водохранилище на двух автобусах, с пересадкой на метро Молодежная. В то время там было неплохое озеро с пляжем из привозного песка. Там была нормальная зона отдыха, работали какие-то буфеты, туда приезжало довольно много народа. Потом у нас появились два велосипеда, и мы с Игорем добирались до места на велосипедах, а Лариса с Таней на автобусах.

В отпуск мы каждый год ездили к моим родителям в Орел, и отдыхали на их озере, про которое я уже писал. Там тоже был песок и все было замечательно. Также от них можно было прямо на трамвае ездить в лес. И еще мы с Игорем играли в теннис. Теннис – это был наш постоянный вид развлечения. После того, как мы попробовали играть в теннис в пансионате Гизель-Дере, около Туапсе, мы уже не прекращали играть. Но только я и Игорь.

Таня иногда тоже играла, но намного реже. Лариса не стала играть. Ей и времени не хватало после кухонных дел, и желания не было. В нашем районе проживания было несколько бесплатных кортов. Так, недалеко от нас построили спортивный комплекс: бассейн и корт. Но корт не доделали, и он стоял без сетки и без разметки, но с ограждением. Разметку мы делали мелом, а сетку я купил. Но не настоящую, а волейбольную.

Она такого же размера, как и теннисная, но у нее очень большие ячейки. Чтобы теннисный мяч не пролетал насквозь, я ее немного доделал, и вставил дополнительные веревки между основными. Мы натягивали эту сетку и спокойно играли. Второй корт

был в районе новых высотных домов, построенных около станции метро "Кунцевская", для работников ЦК компартии. Там был новый микрорайон, сделанный по самым высоким стандартам, включая и теннисные корты.

Но чаще всего мы ездили на спортивный комплекс около станции метро "Филевский парк". Это было уже довольно далеко, и мы туда ездили на велосипедах. Один велосипед, складной и с маленькими колесами я давно купил, когда дети были еще маленькие. А второй велосипед был гоночный. Он был куплен с рук, точнее по объявлению прямо на квартире бывшего хозяина. Купить гоночный велосипед в магазине в то время было сложно.

Этот велосипед захотел Игорь и долго меня просил, чтобы я ему его купил. В конце концов я согласился заплатить деньги, а все остальное, то есть продавца Игорь нашел сам. Так мы и ездили на двух велосипедах и в Рублево, и на корты. Играли мы по выходным дням, так как в будни дети ходили в школу, а я на работу. Ездили мы туда после завтрака. А утром, как правило, у меня было общение с женой в постели. И почему-то после секса я не мог быстро бегать за мячом. Игорь все время меня ругал, что я халтурю, и не бегаю.

Играли мы регулярно, но мастерство росло не быстро, так как нас никто не учил. Именно потому мы любили играть в Филевском парке, что там было три корта, и можно было посмотреть, как другие играют. Все годы, пока Игорь учился в школе, мы играли примерно одинаково. А потом Игорь быстро научился играть лучше меня. Я продолжал играть только со своей второй женой, но она меня никак не развивала, скорее наоборот. Хотя я все равно кое чему научился, но хуже, чем Игорь.

Таня тоже умеет играть в теннис, но она играла по времени намного меньше, поэтому у нее хуже получается. Интересно, что Игорь и сейчас продолжает играть. Но при его довольно сильной игре есть проблема найти партнера. И вот, оказывается, в интернете есть специальные сайты, где люди договариваются об игре, а потом пишут отзывы. В этом интернет клубе у каждого есть свой рейтинг, и каждая игра фиксируется.

Выглядит это так. Кто-то назначает время, место и корт (уже платный) и предлагает присоединиться. Другие подают свои заявки. Наконец тот кто предлагает, выбирает себе партнера. И потом остается только приехать на машине в нужное время и в нужное место. Из-за пробок люди стали играть очень поздно вечером, около 11 часов.

Интересная судьба у гоночного велосипеда. Один день Игорь уехал на нем, а пришел пешком. В каком-то месте к нему прицепились два пьяных мужика и отобрали велосипед. Сам то он от них убежал, а велосипед вернуть не смог. Я пишу с его слов, как было на самом деле я не знаю. Впрочем с тем велосипедом было достаточно проблем из-за его специальных шин, которые трудно было достать.

Я особенно не готовил для детей никакого будущего, я считал, что это их личное дело. Но вот наступил момент, когда Игорь заканчивал восьмой класс. Он пришел из школы и заявил, что к ним в школу приходили люди и агитировали поступать в физико-математическую школу при МИФИ. И он хочет туда поступить, а потом будет учиться в МИФИ, а потом будет работать в лаборатории Ковальчука.

Его решение мне вполне понравилось. Я у Ковальчука попросил узнать какие задачи дают на вступительном экзамене в физ-мат школе при МИФИ. Ковальчук действительно передал мне задачи, которые он получил у Пикина, теоретика из ИК РАН, сын которого, кажется, учился в этой школе. Я предложил Игорю эти задачи.

К своему удивлению я обнаружил, что Игорь, несмотря на неплохие отметки в школе, задачи решить не может. Как их там в школе учили меня мало интересовало. Я стал заниматься с ним сам. Но времени было очень мало. В этой школе вступительные экзамены проводились в конце марта, задолго до окончания учебного года.

Я, сколько успел подготовить Игоря, столько и успел. И мы поехали сдавать экзамены. К сожалению, Игорь все-таки не справился. Он кое что решил, но не все, и не прошел по конкурсу. Но время еще было. Мы продолжали заниматься, а я узнал какие еще есть школы с повышенным изучением математики. И мой выбор остановился на школе 179, там в то время принимали в классы с математическим уклоном.

Она находится в центре Москвы, что мне показалось удобным, потому что метро у нас организовано так, что с любой точки можно попасть только в центр. Экзамены там проводились уже в начале мая, и у нас было время на подготовку, практически весь апрель. Эта школа находится в Георгиевском переулке недалеко от станции метро "Театральная". Это тоже было удобно, мало идти пешком от метро.

И вот наступил момент, я привез Игоря в эту школу сдавать экзамены, а сам ждал, как и раньше на улице. И опять осечка, Игорь снова не прошел по конкурсу, потому что не решил одну задачу. Вся сложность ситуации была в том, что задачу то он решал правильно, но в какой-то момент от волнения вместо сложения двух чисел выполнил вычитание или наоборот, и получил неправильный ответ.

Вместе с Игорем переходить в другую школу собрались его друзья по фамилии Козак и Бойцов. Они за это время узнали, что открылась школа с математическим уклоном даже в нашем Кунцевском районе. Они пошли записываться туда. Так как школа только начинала, никто про нее не знал и у них был недобор. Их просто записали в эту школу и проблема была решена.

Но через некоторое время вдруг раздался телефонный звонок. Звонил преподаватель, который принимал у Игоря экзамен в 179 школе. Оказывается он одновременно принимал экзамены еще в одной школе с математическим уклоном, недалеко от станции метро Бауманская. Это было очень далеко от нашего дома, но по прямой ветке с одной пересадкой.

Преподаватель сказал, что они по результатам вступительных экзаменов недобрали учеников в эту школу. И поскольку Игорь практически правильно решил все задачи на экзамене в 179 школу, они готовы его принять в эту новую школу около метро Бауманская. К сожалению я не помню ее номер, да это и не важно. Игорь поехал туда вместе с Козаком, и Козака тоже записали. Как он там сдавал экзамен я уже не помню.

А Бойцов сразу после окончания школы уехал из Москвы на каникулы. Он так и учился в той школе в Кунцево, куда они все записались первоначально. В новой школе нас сразу предупредили что поначалу пятерок у Игоря не будет, потому что у них очень высокие требования. Но нам как бы было все равно – какие отметки. В этой школе собрались очень сильные и способные ребята со всей Москвы, и Игорь получил много новых друзей на всю жизнь.

В школу он ездил на метро сам, в то время было не так опасно, а он уже был большой. Мы с Ларисой ездили в эту школу очень редко, но все же там бывали, я даже запомнил, кажется, как проходил последний звонок. Игорь получил грамоту, но не за учебу, а за успехи в спорте. В этой школе он получил первый спортивный разряд по лыжным гонкам, и этим был знаменит.

Правда, до этого он несколько лет ходил в лыжную секцию в нашем Кунцевском районе, и в какой-то момент ему предлагали даже заниматься спортом профессионально. Он часто ездил на соревнования, и в лыжной секции у него были другие друзья, там ему тоже было очень интересно. Но он от перспективы стать профессиональным спортсменом отказался, и в какой-то момент перестал ходить в секцию.

В новую школу он перешел осенью 1988 года. Буквально через несколько недель после учебы, он стал просить меня купить персональный компьютер домой. Мол у многих учеников в его классе уже есть такие. Деньги у меня были, я ведь копил на машину, но так и не купил ее. Но купить такой компьютер было нереально. В то время советская электронная промышленность уже начала продавать компьютеры БК-0010 в виде толстой клавиатуры с 8-мибитным процессором внутри .

Но их было очень мало, и в магазине "Электроника" на Ленинском проспекте на них была огромная очередь. Записаться, конечно, было можно, а купить – нет. Игорь стал все свое свободное время проводить в этом магазине, чтобы понять как двигается очередь и что можно сделать. Через какое-то время он выяснил, что около магазина есть свой магазин, точнее торговые агенты спекулянтов.

В то время уже были люди, которые привозили электронную технику из-за границы, но в комиссионные магазины ее еще не принимали. Или принимали, но я об этом не знал. Некоторые "бизнесмены" искали покупателей прямо в магазине "Электроника", где проводилась продажа советских компьютеров БК-0010. Через какое-то время Игорь изучил эту систему и даже вышел на такого человека.

Надо сказать, что Игорь с самого малого возраста был равнодушен к торговле в эпоху дефицита. Он всегда знал где и что продают к данный момент. Я был не против купить ему компьютер, денег было не жалко, но я, как раз, совсем не люблю заниматься поиском продавцов в эпоху дефицита.

Кончилось все тем, что в один прекрасный день Игорь привез меня на квартиру по одному адресу, и там по твердой, но спекулятивной цене нам выдали немецкий компьютер фирмы Schneider. Я даже забыл уже сколько он стоил, да это и не имеет большого значения. Я запомнил, что в квартире было много компьютеров такого типа. Это был как бы небольшой магазин на дому.

Компьютер представлял собой толстую клавиатуру с кассетным магнитофоном для записи и считывания программ, но экрана не было. Компьютер нам продал относительно молодой парень. Он же спросил какой у нас есть цветной телевизор. У нас в то время уже был телевизор Рубин советского производства. Мы очень долго пользовались черно-белым телевизором, а на цветной перешли с большим опозданием. Почему-то нам его не хотелось. В результате мы купили уже довольно стабильный телевизор, и он отлично работал.

Парень нам дал адрес и телефон и сказал, чтобы мы позвонили и договорились с владельцем телефона, и он нам в телевизор вставит приставку, после чего компьютер будет использовать телевизор как экран. Так оно и было. Мы съездили к этому парню, привезли его на такси к нам домой, и он нам все сделал. А сколько это стоило тоже было не важно, денег у меня было много.

И мы получили очень интересную игрушку. Вместе с компьютером нам дали несколько журналов, в которых были напечатаны коды программ каких-то игр. И мы записали и довели до рабочего состояния какие-то игры, даже купили джойстик, чтобы было

удобнее играть. В компьютер был встроен интерпретатор языка Бейсик, и я даже кое-какие программы расчетов на нем пробовал писать. Но это было не очень удобно, потому что не было принтера.

То есть расчет, результатом которого было одно или несколько чисел еще можно было делать, а вот кривые вычислять – уже нет. Но важно другое. Я впервые познакомился с цветным программированием именно дома. На работе все мониторы были монохромные. Компьютер еще не годился для нормальной работы, но для обучения программированию он годился вполне. Ну и компьютерные игры в то время – это был совершенно новый мир.

Вскоре по такой же схеме мы купили и видеомэгнитофон. Но на квартиру ездить уже не надо было. Их продавали прямо во дворе магазина "Электроника", только по другой цене, чем в магазине. А в магазине опять была запись на очередь, и она двигалась годами. С кинофильмами тоже не было проблем, так как один из друзей Игоря по математической школе имел старшего брата, который работал в мини-кинотеатре на базе видеомэгнитофонов. Тогда таких мини-кинотеатров было много.

И Игорь часто приносил видеокассеты с кинофильмами на несколько дней, посмотреть, причем совершенно бесплатно. Именно в то время я познакомился с западной жизнью достаточно хорошо, и для меня впечатления от первой поездки на Запад в 1990 году не были шоком. В СССР иногда показывали западные кинофильмы в кинотеатрах. Но это были другие фильмы, это были либо исторические, либо детективные, в них нельзя было понять как на западе живут нормальные люди.

Только первая волна информации на видеокассетах давала полную информацию. Я даже думаю, что появление видеомэгнитофонов и поток западных фильмов явились одним из тех ударов по психологии советских людей, которые и разрушили коммунистический порядок. Это было как огромная дыра в железном занавесе. За границу могли поехать немногие, а вот посмотреть кино было несложно.

Учился Игорь в новой школе не очень хорошо, но и не плохо. Тех знаний, что он там получил, вполне хватило на то, чтобы без проблем сдать экзамены в МИРЭА (московский институт радиотехники, электроники и автоматики). Игорю вполне нравилась работа на компьютере в качестве программиста, поэтому про МИФИ он уже забыл и выбор института был однозначным.

Во время учебы в математической школе, и потом в институте Игорь и его друзья занимались торговлей дефицитных товаров. Тогда появилась мода на то, чтобы зарабатывать деньги любой ценой. Учиться было не престижно. Игорь торговал и на Новом Арбате, и на смотровой площадке Ленинских гор, и в других точках.

Они договаривались с какими-то людьми, наверно бывшими спекулянтами и будущими олигархами, которые где-то доставали товар, выдавали его студентам и школьникам на продажу, говорили сколько денег за него надо вернуть и указывали проплаченную торговую точку. А вот за сколько товар реально будет продан их не беспокоило.

Заработок продавца как раз и складывался из разности между реальной ценой проданного товара и той суммой какую надо было вернуть. В те же годы процветал челночный бизнес, когда люди ездили за границу и везли оттуда товары на продажу. Друг Игоря Козак иногда занимался и этим. Сам Игорь в то время работал таким вот продавцом вместе с другим другом по математической школе.

Интересно, что в то время он общался даже с американцами челноками. Некоторые

американцы любили возить какие-то товары из Америки в Россию на заказ. Из такого общения он получил стимул учить английский язык, и, в конце концов, выучил его до такой степени, что стал работать в иностранных фирмах, где знание английского языка является необходимым условием.

А Таня училась в старой школе, в соседнем с нами доме до самого десятого класса. Она была очень трудным ребенком, училась она плохо, учителя на нее жаловались, но говорить с ней об этом было невозможно. Она грубила, объясняла, что это не наше дело, что она самая лучшая на свете, и будет академиком (это потому что папа был ученый).

Кроме того, у нее была очень слабая психика, Иногда она теряла контроль над собой и выходила за все рамки приличия. И не оставалось ничего другого как слегка ее поколотить по голове. Так выводят в сознание людей, испытавших шок и потерявших здравый рассудок. Я всю жизнь был убежденным противником насилия, но это даже не было насилием. Это было реальным наказанием за провинность, причем на единственно понятном языке.

Как ни странно, но это действительно помогало. После этого я снова говорил словами, но она уже слушала и потом наступал относительно короткий период, когда Таня сдерживала себя и вела себя адекватно. Что, конкретно, она думала – трудно сказать. Но есть поговорка – о человеке надо судить не по его словам, а по его делам. А дела были правильные. Но после какого-то периода все постепенно возвращалось назад, и приходилось снова применять негуманные методы.

Но Таня все же не была совсем уж пропащим ребенком. Она не делала таких уж больших глупостей, о которых иногда пишут в газетах и показывают в кино. Иногда проблемы были, но, слава богу, все обошлось без последствий. Худо бедно, но она все же окончила школу. А потом началось самое интересное. После окончания школы с аттестатом, в котором было много троек, Таня заявила, что она будет поступать в институт.

Я давал детям возможность делать так, как они хотят, никаких ограничений. Я сказал, что не я против, Лариса меня во всем поддерживала. Но заниматься с Таней я не стал, так как не видел в этом никакого смысла, да и с ней вообще сложно было взаимодействовать. Родителей она не ставил ни в грош.

Однако, это и не требовалось. В то время она дружила в школе с одной девочкой, родственник которой преподавал в Институте связи на улице Народного ополчения. Подруги у нее всегда были, но некоторые из них долго не выдерживали. Однако были и такие, кто дружил долго. Ее подруга предложила ей вместе поступать в этот институт и вместе готовиться.

И Таню словно подменили. Она занималась с утра до вечера без остановки. За те два или три месяца пока они готовились к экзаменам она потратила на учебу наверно больше времени, чем за все время учебы в школе. Ее не надо было заставлять, она все делала сама по инструкциям преподавателя подруги. Пожалуй я не смог бы ей помочь, если бы даже и захотел так, как ей помогла подруга.

Кончилось это тем, что они обе поступили в этот институт, в котором девушек было очень мало, одни парни. Это было удивительно для всех, в том числе и для меня. У них в классе были отличницы, которые провалили экзамены, а про Таню вообще никто не думал, что она поступит в институт. И тем не менее, Таня в 1989 году стала студенткой.

О том, как она училась, я ничего сказать не могу, так как не знаю. Я уже понял, что Таня на многое способна, если захочет. Вот только правильные желания у нее возникали не часто. Училась она скорее всего плохо, но институт закончила и все самостоятельно, я ей совсем ни в чем не помогал, да и вряд ли смог бы.

Интересно, что с подругой, с которой они вместе поступили, она потом поругалась и дружба закончилась. Правда через год у Тани умерла мать, и она была на грани того, чтобы завалить сессию. Ада Минюшина работала в Первой градской больнице завхозом. Это была высокая должность, потому что больница большая и все ее хозяйство было под началом Ады. И она подсказала, что может организовать Тане справку, по которой она сможет взять административный отпуск на год.

Так и было сделано. Таким образом, Таня училась не пять, а шесть лет, и она закончила институт в один год с Игорем. На новом курсе, на который она попала после академического отпуска, кажется было всего две девушки, второй была Люда, которая приехала учиться в Москву из другого города. И Таня с Людой остались подругами на всю жизнь.

Осталось написать про мои отношения с женой Ларисой. В целом мы нормально жили, и все у нас было относительно неплохо, но были и проблемы. Все наверно помнят сказку Пушкина "три девицы под окном пряли поздно вечерком". Конечно, жена – это и повариха, и ткачиха, но главное все таки секс.

Есть люди, которые считают, что любовь и секс – это синонимы. Я сам красавист, и для меня одного секса мало, и даже если бы пришлось выбирать, то я не знаю что бы выбрал. Но секс – это тоже очень здорово и это необходимо. Секс с женой давал мне такие ощущения, которые невозможно ничем заменить. В этом плане я могу смело сказать, я ее любил.

Но у нее все было иначе. Она вполне могла жить без секса. И мне было очень сложно ее заинтересовать, тем более, что не было самого главного стимула, она не заканчивала процесс так как положено. А все другие стимулы мало что значат. С другой стороны, я противник насилия, тем более неоправданного. Секс у нас был, но мне его не хватало. Я постоянно ее хотел, я получал лишь иногда, в основном в выходные дни.

Я, конечно, терпел, но это отнимало силы, самообслуживание тоже не помогало, это как еда в грязной столовой по сравнению с рестораном. Другие женщины мне тоже были не нужны, да и не было на них ни времени, ни желания. Иногда испорченное настроение приводило к беспричинным скандалам. Психика постепенно стала портиться. Что-то надо было делать. Я решил обсудить проблему. Казалось бы чего проще, просто поговорить.

Но иногда от результатов разговора можно получить больше, чем имеешь, а можно и потерять то, что имеешь. Вот почему не все люди любят выяснять отношения. Лучше синица в руках, чем журавль в небе. В один из дней летом 1989 года я все объяснил Ларисе, что у меня уже нет сил терпеть, что уже руки трясутся и начинается депрессия. Я предложил ей сделку.

Я сам буду больше уделять ей внимания, мы будем больше времени проводить вместе, но и она будет давать мне то, что ей совсем нетрудно сделать. Ну и было бы хорошо, если она не высмеивала меня, хотя бы при детях. Она согласилась на секс, но про остальное сказала: "я не могу себя изменить, шутки сами выскакивают, терпи, это не со зла". Она, наверно, тоже меня любила, но по своему, как умела.

И ситуация, действительно, изменилась. Я работал дома, но ездил на Тверскую улицу в районе метро "Пушкинская" к концу ее рабочего дня. Она в то время по совету и методике Бори Минюшина устроилась работать в министерство, здание которого как раз там находилось. А потом мы гуляли по городу, как в самом начале нашего знакомства. С другой стороны, моя сексуальная озабоченность закончилась. Я наелся конфет столько, сколько хотел. Но это длилось недолго. Через несколько месяцев она сказала, что все таки ей так трудно.

Она не высыпается, устает, и ей все таки нужен отдых. И все опять вернулось на старый режим, но обиды уже не было. Я не знал тогда, что она уже больна, но если человек просит, то значит ему это надо. А еще через несколько месяцев, в начале лета 1990 года у нее вдруг начались боли в животе. Она обратилась к врачу, стала сдавать анализы, а врачи ничего не находят. Все анализы положительные и причина болей непонятная.

Она стала систематически принимать анальгин, чтобы как-то снизить боли. Все лето она промучилась, в больницу на обследование ложиться не хотела, хотя Ада ей предлагала. Один раз мы поехали с ней на рынок, и там у меня украли из сумки все бумаги, деньги и документы. Это было всего один раз в моей жизни, но было. Я пошел в милицию, заплатил штраф и сделал новый паспорт.

И вдруг звонок по телефону, звонит женщина и говорит, что нашла на земле какие-то бумаги, среди них паспорт и вот номер телефона, по которому она и звонит. Мы поехали забирать паспорт. Я мог бы и один съездить, но Лариса вызвалась поехать со мной чтобы погулять. Мы приехали на Ломоносовский проспект, забрали паспорт, отдали презент, а потом сделали крюк и заехали на Ленинские горы, на смотровую площадку.

Был чудесный летний день, суббота, на площадке было полно новобрачных, молодые девицы в длинных летних платьях были очень красивы. Я запомнил этот день, и эту поездку, потому что она была последней. Больше мы вместе в городе не гуляли. Это было в последний раз. В конце августа ситуация стала совсем плохой, и она согласилась лечь в Первую градскую больницу.

Я ее провожал туда, а потом навещал в приемные часы. Последний раз я был там 14 сентября. Она ходила и выглядела вполне здоровой, даже курила. Время шло, а она все еще сдавала анализы и ей даже не говорили что с ней, и как это лечить. Это свидание я тоже запомнил очень отчетливо. Перед уходом я хотел ее поцеловать, но она отвернулась. Я ей говорил, что рад был бы ей помочь, но не знаю как, остается только надеяться.

Вечером того дня я сходил к Казимирову, попросил у него видеомэгафон, потому что хотел переписать фильм, то есть сделать копию. А для этого надо было два видеомэгафона. Я провозился допоздна и лег спать уже ночью. Но поспать не удалось. Рано утром меня разбудил Игорь и сказал, что звонили из больницы и сказали, что мама умерла. Надо ехать туда.

В первый момент я просто не поверил. Я решил, что это какая-то ошибка. Где в то время была Таня, я не помню. Мы с Игорем оделись и поехали в больницу. Оказалось, что никакой ошибки нет, более того, уже провели вскрытие и нам объяснили, что у нее был врожденный порок сердца, что сердце увеличено в размерах почти вдвое, что с таким заболеванием редко кто доживает до 35 лет, и то, что она прожила 46 лет, вообще удивительно.

Первый раз в своей жизни я заплакал, когда мы на обратном пути вышли из метро и шли домой пешком. До этого момента я никак не мог осознать всей трагедии случившегося. Все произошло так неожиданно, ведь она никогда не жаловалась на сердце. И она не выглядела умирающей. Почему болел именно желудок они тоже объяснили. Кровеносные сосуды образуют два круга: внешний и внутренний. Внешний круг снабжает кровью руки, ноги, голову и все внешние органы. И он у нее худо бедно работал.

фото. 28. Фото из интернета. Показан морг Первой градской больницы, последнее пристанище моей жены Ларисы уже после смерти.

А внутренний круг снабжает кровью внутренние органы. И сердце не вталкивало кровь именно в этот круг. Мотор поломался. И у нее просто немели внутренние органы, вызывая боли. Им не хватало кислорода. И врачи не могли это понять, потому что она не жаловалась на сердце. А может и понимали, да молчали, трудно сказать.

На следующий день, а может и в тот же день приехали мои родители из Орла. Надо было делать кучу всяких дел, организуя похороны и поминки. На людях я еще как-то держался, а оставаясь один ревел постоянно. Мне мучительно хотелось вернуть все назад. Не то, чтобы я не хотел жить, а не хотел жить по другому. Я был как ребенок, у которого отняли его любимую игрушку.

На похороны в Первую градскую больницу приехало много людей, все дальние родственники, с которыми мы когда-то были близки, а потом потихоньку каждый стал жить своими заботами. Очень помог двоюродный брат Ларисы, о котором я мог бы тоже рассказать много интересного, но все же он в моей жизни не имел большого значения. Приехал Ковальчук на своей "волге" Он хотел посадить меня в машину, когда мы ехали на кладбище, но я сказал, что поеду с гробом, тогда он повез моего отца.

Я уже писал раньше, что отец был в шоке, от того, как много Ковальчук про него знает. Моему отцу Ковальчук очень понравился. Я мог бы написать больше о самой процедуре, но не буду, так как это не интересно. Я расскажу про другое, что меня поразило на всю жизнь. Прошли похороны, погостили и уехали мои родители, и вот наступил момент, когда я остался один. Дети ушли на учебу, кто в школу, кто в институт.

А мне надо было сидеть дома, потому что в квартире шел ремонт. Как на зло у нас проводили плановый ремонт дома без выселения жильцов. Я уже и так весь изревелся, плохо спал и ел, а тут как раз пришел мастер менять кафель в ванной. И пока он работал, я ревел несколько часов подряд, выкурил две пачки сигарет и давно уже ничего не ел. Сигареты, однако, плохо помогали.

Мне было обидно, за чудовищную несправедливость. Ведь Лариса дала мне все, а самое главное, московскую прописку и возможность стать ученым. Мы с ней жили как два человека на необитаемом острове, растили детей только вдвоем, не было ни бабушек ни дедушек, никаких родственников ни у нее ни у меня. Первое время очень трудно

жили. И она все терпела и во всем помогала. А сейчас, когда у меня высокая зарплата и дети выросли, и нормальная жизнь только начинается, ее уже нет.

Я не отдал ей долги. Я получил аванс и не расплатился. И эти мои сексуальные домогательства, если бы не это, так она может быть еще пожила. И самое трагическое, что ничего нельзя исправить и вернуть. Если бы я знал раньше. В какой-то момент мне стало совсем плохо, началось головокружение, и я понял что так нельзя, надо что-то делать. Но я не знал что. У меня не было опыта совсем. Я всегда был удачливый оптимист.

Я решил, что надо кому-то позвонить и спросить. Ковальчуку я звонить постеснялся и решил позвонить Свете Желудевой. Почему именно ей, я так и не знаю, вероятно потому что она женщина. Я рассказал Свете ситуацию и спросил, что делают в таких случаях. Она что-то говорила, я не помню, но главное, что она посоветовала выпить валерьянки.

Весь парадокс ситуации был в том, что я вообще не знал что это такое, я никогда этим не пользовался. И тут я только вспомнил, что мне принесли десятки разных флакончиков и велели их употреблять, но я тогда просто ничего не соображал. Я полез в холодильник и увидел их там. Я взял один из них. Это был концентрат валерьянки, который надо капать несколько капель в стакан воды.

Но я не читал этикетки. Я взял столовую ложку, налил в нее концентрат и проглотил. Горло чуть обожгло, но меньше, чем от водки. А потом началось самое невероятное. У меня сразу, почти мгновенно поменялось настроение. Самое удивительное, что поменялись мысли. Лариса умерла, не беда, женщин много, другую найду. Я ни в чем не виноват, она была больна, и в этом моей вины нет. И вообще все замечательно.

Я вдруг почувствовал, что страшно хочу есть. В холодильнике был суп, видимо Таня приготовила. Я разогрел суп и съел большую порцию с огромным аппетитом. Через какое-то время позвонил Ковальчук, видимо Света ему про меня рассказала. Я ему сказал, что уже все в порядке, я напился валерьянки, и чувствую себя лучше. Он мне ответил, что это правильно. Валерьянку можно пить долго, к ней нет привыкания, и у нее нет побочных эффектов.

Мастер в ванной уже все сделал и ушел. Я захотел пойти погулять. Выйдя из дома, я вдруг почувствовал запах каждого цветка. У нас тогда во дворе была цветочная клумба. И запахи и цвета были такие, каких я раньше никогда не видел. Все намного ярче и сильнее, чем обычно. Про действие наркотика я уже не помнил и сравнить было не с чем. Я был поражен как у меня обострились все органы чувств.

Я вообще был в шоке. Я не мог понять как это какая-то жидкость способна менять мысли человека. Так что же такое тогда душа, мозг, сознание, мышление. Если все управляется какой-то химией, то какая-же всему этому цена. Где бог, космические силы и всякая прочая ерунда. Больше я в своей жизни подобный эксперимент не ставил. Это была уникальная ситуация – полное истощение организма, а потом лошадиная доза валерьянки.

Пора заканчивать эту часть. Как продолжалась эта история. Тоже банально. Через четыре часа действие валерьянки кончилось. Моя депрессия вернулась на место, снова не захотелось новой жизни, захотелось все вернуть назад. Но я уже понимал, что это невозможно, и я уже знал как мне бороться за новую жизнь. Борьба была очень долгой. И не прошла без последствий. К моему заиканию и плохому слуху прибавились еще

две неприятности, с которыми мне приходится жить.

Через несколько дней после похорон подруги Ларисы по учебе в институте Наташа и Лена захотели приехать на кладбище, посмотреть на ее урну. Я похоронил ее на Николо-архангельском кладбище, так как до этого там же были похоронены ее мать и отец. Они были кремированы, и ее тоже кремировали. Мы съездили на кладбище. Наташа попросила у меня прощения за то, что познакомила меня с Ларисой, не зная, чем это закончится. Я ответил, что, наоборот, ей спасибо. У каждого свое счастье.

А Лена напоследок сказала: "Будь счастлив, если сможешь". Я смог. Я умер в первой жизни и потом родился во второй. Но за счастье надо всегда бороться, даром ничего не бывает. Бесплатный сыр только в мышеловке. И мне пришлось бороться, и все было не просто, и не так уж и легко. Ведь получилось так, что моя катастрофа в личной жизни совпала с катастрофой страны. Первого января 1991 года умерла мать. Затем, в начале 1992-го года пропала зарплата, а вскоре, в результате инфляции, пропали все сбережения.

Все в буквальном смысле приходилось начинать сначала. Полюбить вторую жену, заработать денег, обеспечить учебу детей. К сожалению не все получилось. Таня не смогла найти себе мужа, и отказалась от левого ребенка по моему же совету. А Игорь вообще не захотел иметь семью в нормальном понимании этого слова, а может не смог. В результате у меня нет внуков. Я себя утешаю тем, что Москва – не место, где надо растить детей. Они ведь все равно рождаются в других местах, ну и достаточно.